Роман Злотников
Михаил Ремер
ИСПРАВЛЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ
ПУШКИ И КОЛОКОЛА

Исправленная летопись

Роман Злотников

Пушки и колокола

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Пушки и колокола / Р. В. Злотников — «Эксмо», 2016 — (Исправленная летопись)

Николай Булыцкий, обыкновенный школьный учитель из нашего времени, оказавшись в XIV веке, успешно совершил там промышленную революцию. А заодно привлек к Московскому княжеству нежелательное внимание могущественных соседей. Кто отныне станет Великим князем всея Руси? Честолюбивый Витовт Кейстутович, коварный Ягайло Ольгердович или все-таки суровый Иван Дмитриевич Донской? На карту поставлено будущее Московского княжества. Сумеет ли Русь при помощи современных технологий противостоять средневековым агрессорам?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 29
Глава 3 48
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Роман Злотников, Михаил Ремер Исправленная летопись. Книга третья. Пушки и колокола

© Злотников Р., Ремер М., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Тьма. Звук торопливых шаркающих шагов, отражающийся от потных стен невидимого тоннеля. Многократно усиленный, он уже больше напоминает грохот марширующих шеренг, сквозь который тяжело прорывается сиплое дыхание задыхающегося от бега Николая Сергеевича.

Провалившись в катакомбы, он кружится на месте и, то и дело натыкаясь на холодные влажные стены, тщетно пытается выбраться из западни. А ведь изначально бедой и не пахло! Неведомо каким образом оказавшись на арене захудалого балаганчика, он, под задорный хохот переодетого в конферансье[1] Дмитрия Ивановича Донского, ловко и непринужденно вынимал из шляпы диковины, несказанно поражая собравшихся на потеху зрителей, богато одетых в парчу. Поначалу устраивая целые представления в стиле Акопяна, пенсионер, ускоряясь и как следует разогревшись, схватил реквизит и, встряхнув, перевернул, высыпая на пол целый ворох упакованных в цветные фантики невероятных безделушек: листы бумаги, какие-то там подобия британских кэбов, паланкины, прялки с ножным приводом и так далее. Увлекшись, он и не заметил, как кулисы за его спиной разомкнулись и на сцену медленно выкатилась неимоверно громоздкая конструкция, собранная, подобно монстру профессора Франкенштейна, из кусков совершенно разных судов: корпус – от обычной рыболовецкой лодьи, на которую установлены три шаткие мачты, кое-как перевязанные между собой и абсолютно невероятным образом прикрепленные к бортам. Довершали картину разномастные, словно наспех скроенные паруса, беспорядочно закрепленные тут и там, сильно напоминающие развешенные на веревках простыни и наволочки. Опасно раскачиваясь, непонятное творение выкатилось на середину сцены, где, не выдержав очередного крена, с треском повалилось на бок.

– Княжича! Княжича чуть не сгубил, шельма! Порох где?! Душегуб, а пороху и не дождешься с тебя! Тьфу, пропасть! В поруб!!! – Мощные руки князя легко подхватили отвлекшегося пенсионера и, оторвав от земли, швырнули на пол. Падение жестким не оказалось. Напротив, манеж, спружинив, словно батут, подбросил учителя чуть вверх, а через миг разошелся на две части, пропуская страшно матерящегося Булыцкого вниз, в холодные сырые катакомбы. Уже там, придя в себя, попытался он сориентироваться и хоть что-то разглядеть в кромешной тьме, однако тщетно. Темнота была настолько плотной, что даже на расстоянии вытянутой руки невозможно было видеть ничего. Более того, как понял пришелец, пару раз наткнувшись на холодные стены, попал он не в поруб, а в какой-то подземный лабиринт…

– Никола, муж мой, иди сюда, – чей-то до боли знакомый мелодичный голос окликнул уже совсем отчаявшегося пенсионера, и тот, уловив направление, аккуратно двинулся на зов.

Ловя отзвуки, Булыцкий тащился по длинному сырому коридору, который постепенно становился все шире и чище. Несколько шагов, и, судя по доносившимся звукам, учитель вышел в здоровенный зал.

– Муж мой горяч, да порою как отрок несмышленый; хоть и волос бел уже, а все одно – самодурничать надо да по-своему учудить.

– Кто ты? – слепо выставив руки вперед в попытке нащупать стену, крикнул во тьму Николай Сергеевич.

– Алена. Женка твоя законная. Забыл, что ли?

– Кто?!!

– Сестрица Твердова, – звонко засмеялась невидимая во тьме женщина.

– Да какого?!! Что вы тут все, с ума посходили?!! – проорал Николай Сергеевич.

---

[1] См. книгу вторую «Тайны митрополита».

– Ты, Никола. – Помещение внезапно наполнилось слепящим светом, да так, что пенсионер поспешил закрыть лицо руками и лишь через несколько секунд смог подняться на ноги. Резко развернувшись на голос, он увидал князя Дмитрия Ивановича Донского.

Тот, держа в руках двух огромных змей с человеческими головами, задумчиво переводил взгляд с одной рептилии на другую, словно бы мучаясь выбором. Существа же, шипя и скалясь в гаденьких улыбочках, неторопливо, прямо-таки панибратски, обвивали руки Великого князя Московского, неприятными шипящими голосами что-то там нашептывая Дмитрию Ивановичу.

– Чего в твоем грядущем про них говорят-то, а? – Подняв глаза на собеседника, тот протянул вперед обоих гадов, и так и сяк поворачивая их, чтобы мужчина мог как следует разглядеть показавшиеся знакомыми головы рептилий. – Выбрать надобно бы. Чего скажешь? – и, не дожидаясь ответа, князь снова принялся разглядывать рептилий, решая: а какую же из них выбрать.

– Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще в пути с ним. – Еще раз обернувшись, учитель уперся взглядом в невесть как появившегося здесь Сергия Радонежского. Тот, стоя на коленях и смиренно склонившись, монотонным мотивом, как молитву, начитывал какое-то странное пророчество. – Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит[2]. Блажены алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся, Блажены нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное. Какой выкуп даст человек за душу свою? – Резко подняв голову, Сергий посмотрел на съежившегося от такого взгляда пенсионера. – За живот свой трясясь, молитвы попусту читая, иль за жизнь ближнего своего Душу Диаволу вручить!

– Что?!! – Николай Сергеевич подался вперед, но звуковой волной от этих вроде негромких слов его резко отбросило назад, к одной из влажных стен.

– Отдай, и получишь!!! – Многократно усиленное эхо вновь сбило его с ног, разом лишив ощущения реальности.

– Да что…

– Живот потерять страху нет, а вот за душу – ох как боязно! – вновь склонившись в молитве, смиренно продолжал Сергий. – Как смирен, так и Господь Бог в душе твоей. Как от Отца Небесного отворачиваешься, так и Диаволу радость; гневом или усладою глаза, что пеленою устилает, да в грех с блудом тянет. Знать, уже делят они душу твою бессмертную. Так, помни, наказ про царство, – все так же негромко продолжал Радонежский. – Так, знай: тебе срок, чтобы душу свою спасти – покуда Иуд четверых пути не пересекутся! Как пересекутся, – поднял голову Сергий и тихо улыбнулся, – так и наказ княжий исполнишь.

Земля, словно живая, взбрыкнула, сшибая с ног пожилого человека, и за его спиной раздался противный треск взрыва. Последнее, что успел увидать развернувшийся на грохот пришелец, так это довольная физиономия Милована, держащего в руках плотно набитый мешок с тонкой змейкой горящего фитиля.

– Это ж Бубль-Гум, – запрокинув косматую голову, расхохотался тот, да так, что Булыцкий, распахнув глаза, подскочил на жесткой своей скамье, разом просыпаясь и тщетно пытаясь удержать в памяти хотя бы обрывки безумного сна.

– Фу-ты! – Сообразив, что фантасмагория сия – все же не более чем сновидение, преподаватель тяжко выдохнул, приходя в себя. Он – Николай Сергеевич Булыцкий. Пришелец из будущего. Сейчас он – в Троицком монастыре, и цель его – вскрыть и провести ревизию заложенных чуть менее двух лет назад селитровых ям с тем, чтобы перед закладкой очередной партии по возможности отсечь заведомо негожие варианты, медленно, на ощупь продвигаясь

[2] Евангелие от Матфея.

вперед. А сны… неспроста такие приходили. Да еще и столь яркие. А раз так, то, сосредоточившись, он попытался вспомнить детали приснившегося… однако, увы, не удалось. Образы, постепенно теряя яркость, слились в одно аляпистое пятно, а взбодрившийся было пожилой человек – сморенный усталостью, снова заснул.

Тишину морозного утра потревожили звуки шагов и глухого сиплого кашля; кто-то тяжко пробирался сквозь заснувший ельник, держа курс на небольшую, с холмиками поляну.

– Чего опять дохаешь? Банок давно не ставили, а?!

– Банки нынче – для князя да сына его. Не по дружинника честь, – из чащи донеслись сварливые голоса странников.

– Надо будет – для тебя раздобуду.

– Ты – да. Боек не по годам. Аленке, вон, подарок.

– Не замай! И без того тошно.

– Как скажешь, Никола, – закашлялся невидимый в чаще мужик. Затем, переведя дыхание, добавил: – А чего такого-то? Подумаешь, женят. Была бы дворовая какая, – беда, а так… И тебе подспорье, и ей – почет. Ты же, Никола, нынче – о-го-го! Жених – на зависть!

– Просил же тебя, Милован!

– Прости, Никола. – На поляну вышли два бородатых мужика, за которыми семенили пятеро монахов, держащих в руках грубые деревянные лопаты с металлическими наконечниками[3]. – Здесь? – оглядевшись по сторонам и заприметив с десяток холмиков в ряд, поинтересовался мужик с перекинутым через плечо луком.

– Здесь, – выдохнул его собеседник. – Только рано еще. Оно – неполных два года минуло[4]. Еще бы годок хотя бы.

– Ты про то князю рассказывай. Мое дело – малое. Велено проверить, вот и проверяю.

– Все бы тебе на него кивать, – огрызнулся в ответ первый, тот, в котором читатель без труда узнает Николая Сергеевича Булыцкого. – Князь велел, князь женит, – передразнил он.

– Ох, и сердит ты на него, да все попусту.

– Тебе-то печаль какая?! Ну, сердит! А что с того? Тебе, что ли, в порубе сидеть?

– Не кручинься, Никола! Ты у него теперь в почете. Вон, орудия какие отлил. Тюфяк с ними в сравнении – тьфу! А плинфа?! Рукаст!

– Ну так и что?!

– А то, что и веры тебе сейчас – втрое! Вон, сам князь тебе поверил! Шутка ли; пороху сробить наказ! Не по каждому и честь такая!

– Нужна мне честь эта, – проворчал учитель. – Честь – это когда довольны все! А наказ, за неисполнение которого – поруб…

– Сдюжишь! – уверенно остановил его собеседник. – А что порубом стращает, так то не обессудь. Господь наш великий за неисполнение заповедей тоже Адом напущает. Так то – Отец наш небесный, а князь – людина лишь, воле Господней судьбу свою вверивший.

– И что, воля на то Бога, чтобы мне в порубе сидеть за наказ, с которым ведать не ведаю, как управиться?

– Князь, он как и отец: судьбам других хозяин, да не своей. Свою смиренно Богу и отдал. И тебе так же надобно. А там и сложится все, как положено.

– Ох и замудрил, – огрызнулся Булыцкий.

---

[3] В описываемые времена лопаты были деревянные. В редких случаях использовались металлические наконечники. Обусловлено это было дороговизной металла и сложностью его переработки.

[4] По данному повествованию первые селитровые ямы были заложены в конце весны 1382 года. Сейчас – конец 1384 года.

– Сам бы и отговорил князя ямы твои вскрывать! Так ведь и деваться тебе некуда! Чего тогда кручиниться-то, а?! Или, – усмехнулся вдруг Милован, – самому небось интересно, а? Чего там за порох из мест отхожих.

– Сметлив ты стал больно, как я погляжу, – отпустив гнев, усмехнулся преподаватель[5].

– С кем поведешься, – беззлобно ответил второй.

Перебрасываясь фразочками, мужики подошли к одному из холмиков.

– Ну, Никола, поднимаем?

– Поднимаем.

Сопровождавшие их монахи принялись раскидывать снег.

– И не жалко тебе, Никола, лопаты такие?! – с завистью поглядывая на железные наконечники, оскалился Милован. – Тут бы хоть и князю в подарок, а ты! – не закончив, он с досадой махнул рукой: чего, мол, там говорить?!

– То сейчас – князю в подарок. А погодя чуть, так и безделицей станет. Что лучина. В каждом доме.

– Так и в каждом? А домов, ты сам сказывал, что деревьев в лесу.

– Так и есть.

– Это же сколько кузнецов надо, чтобы оконечники на каждую выковать?! А угля перевести?! И углежогов[6] сколько души Богу отдадут, так то подумать даже страсть?!

– Э, Милован, объяснять долго. Даст Бог, покажу, как по-новому такие вещи робятся. Разом по нескольку штук. Да не за день, а вон, от заутрени до обедни, и не просто оконечник железный, а вся, целиком! Черенок только и будет деревянным.

– Да ну?

– Вот тебе и «да ну»!

– Гляди, Николай Сергеевич, – окликнули мужчин сопровождающие, уже вскрывшие пять из шести ям.

– Ох, и смердит! – поморщился Милован, едва заглянув вовнутрь. – В грядущем твоем, поди, и не продохнуть, раз порох – такая же безделица, как и лопаты?

– А чего не продохнуть-то? – прикрыв нос и внимательно разглядывая содержимое, поинтересовался пришелец.

– А сколько той ямчуги снимешь?! Слезы! Так ям, выходит, надобно, чтобы пороху – вдоволь! – аж присвистнул бородач.

– Чего?! – Булыцкий обалдело уставился на собеседника. – Что за ямчуга?

– Из ям выгребных которая.

– Ямчуга, – задумался учитель, копаясь в памяти и пытаясь вспомнить, а где же он слышал это слово. Ведь знакомо было.

– Ну, ямчуга! – видя колебания товарища, добавил товарищ. – Без нее и пороху никакого! Она, сера, да уголь.

– Селитра, что ли? – сообразил наконец пенсионер. – Откуда про нее ведаешь?!

– А чего тут такого? – в свою очередь поразился Милован. – Знамо же: пороху чтобы получить, уголь, ямчуга да сера надобны. Угля – вдоволь, ямчугу и сами можем, серу, вот, только откуда бы…

– А раньше чего молчал?! – набросился на товарища историк.

– А ты спрашивал, что ли?!

– Тьфу ты, пропасть! – выругался в сердцах мужчина. – Князь требует, а я… Ох, ведь в поруб бросит.

---

[5] Главный герой – Николай Сергеевич Булыцкий. В нашем времени – преподаватель истории, но из-за некомплекта держащий вторую ставку – преподавателя труда.

[6] Углежог – добытчик древесного угля. Как правило, недолгожители, т. к. производство древесного угля предполагало большой объем продуктов горения древесины, которыми в итоге и травились мастера.

– Знамо дело, бросит! – утвердительно мотнул головой бородач. – Ежели волю княжью не исполнишь. Оно, вишь, княжьей воле непослушание – грех второй после Бога воле переченья. Так и тебе времени – до зимы следующей. Управишься.

– Да поди ты! – сплюнул Николай Сергеевич.

– Не кручинься ты, – примирительно продолжал бородач. – Ты, вон, ямчугу как-то иначе сробить пытаешься. Что получится если, уже спасибо. Ты, Никола, смекалист. И серу как осилить, прознаешь. Вон, гляди!

– Чего?

– Гляди, Никола! – взбудораженно тыча пальцем в дальний угол той самой ямы, к которой подозвали монахи, прокричал дружинник. Учитель проследил за тем, куда показывал его сопровождающий, и обомлел. Сверху, на зловонной жиже собрались едва заметные легкие белесые кристаллы! Первая селитра, добытая преподавателем. Без специальных знаний. Фактически по наитию!

– Так ведь говорил: селитру и сами можем, – нацепив каменное выражение на морду и едва удерживаясь от того, чтобы не подпрыгнуть на месте, проговорил трудовик.

– Ты же, – переводя восторженный взгляд со зловонной кучи на товарища, прошептал дружинник, – ты же сам отнекивался: мол, знать не знаю, ведать не ведаю!

– Ну, говорил, – польщенно улыбнулся пришелец.

– Так вон учудил чего: сробил ямчугу-то! Додумался же!

– И что?

– А то, что рукастый ты да смышленый! А раз так, то и порох добыть – тьфу, а не забота! Верно ведь, Никола?! – тот требовательно поглядел на собеседника.

– Ну, Бог даст, так и сделаю…

– Ты, Никола, того. Бог тебя ох как любит! Вон, и от лиходеев уберег, и хвори победил, и гнев княжий отвел. И с Аленкой сладится.

– Тьфу на тебя! Ведь просил же… – расплывшийся было в улыбке Булыцкий поморщился и в досаде сплюнул.

– Да чего взъерепенился-то?! – в свою очередь взорвался Милован. – Дело – решенное! Не хотел как бы, уже и утек давно, а то… Покуда собираешься, боязливо, может. Так то – пока! Пост окончится – сватами отправимся к Тверду, а дале – свадьба! – Трудовик ничего не ответил, лишь, еще раз сплюнув, принялся осматривать содержимое остальных ям. Впрочем, там результат оказался намного скромнее. Кристаллы, но в гораздо меньших количествах, были обнаружены в еще одной, поэтому, порывшись в торбе и отыскав нужный берестяной свиток, Булыцкий, щурясь и отчаянно вглядываясь в едва видные насечки, принялся восстанавливать исходные параметры. Вскрытые ямы засыпали вновь; дожидаться следующей ревизии. Цель похода была выполнена; дальнейший вектор развития определен и рецептуры, по которым будут заложены очередные десять ям[7], выбраны.

– Возвращаемся, – удовлетворенный результатом, кивнул пришелец. – К Сергию, и – домой.

– Возвращаемся, – послушно повторил Милован.

Остаток дня провели в обители Сергия Радонежского и следующим же утром отправились обратно в Москву, коротая дорогу в разговорах ни о чем. День, другой, третий. Уже на подъезде к Москве зашла беседа про селитру.

---

[7] Специфика производства селитры предполагает, что селитряные ямы закладываются недалеко от мест проживания большого количества людей (исходное сырье – продукты жизнедеятельности человека и животных), однако первые ямы по приказу князя были разбиты недалеко от Троицкого монастыря, т. к. главный герой проживал именно там (см. «Исправленная летопись-1: Спасти Москву»).

– А ждать-то сколько, чтобы ямчуга твоя созрела? – кутаясь в тулуп, поинтересовался Милован. – Или и должно так: с ямы – кукиш? – продолжал рассуждать тот. – Ям сколько надобно? И ладно – зима, а летом как? Смердеть ведь все будет!

– А кто его знает? – Булыцкий лишь пожал плечами. – Мож, пять годов. Или все десять… Мне, вон, и самому неведомо, сколь еще ям надобно, чтобы все как должно делать научиться. Вот, сразумеем, а там уже и видно будет.

– А в грядущем твоем как?

– В грядущем… – переспросил трудовик. – Там все иначе совсем: и селитрой той больше землю удобрять будут. А порох совсем по-иному делать: без ям. А вот как, неведомо мне, – трудовик пожал плечами, мысленно сетуя, что в свое время невнимательно читал «Таинственный остров», в котором Жюль Верн скрупулезно описал технологию создания нитроглицерина и на его основе – порох.

– Ямчугой?! Землю?! Во сказанул! Это кто же такое удумать-то сподобился?!

– Ты, Милован, помнишь, у Калины еще сам дома в небо упирающиеся видел ведь, так?

– Ну, видывал, – согласился бывший лихой.

– А тогда чему удивляешься, что все, не как сейчас? И бабы, вон, в чем мать родила ходят, и дороги – не чета нынешним…

– И срам сплошной! – перебив товарища, бородач поспешил сплюнуть.

– То сейчас – срам.

– Что грех есть, тому и через века грехом быть, – убежденно отвечал Милован. – Бог, он вопрошать не будет, а разом – в Геенну Огненную на веки вечные!

– Ну, нехай по-твоему будет, – не желая ввязываться в ненужный спор, отмахнулся Николай Сергеевич.

– То-то и оно, – довольно ухмыльнулся его оппонент.

Дальше ехали молча. Тема исчерпана, а вопросы ради вопросов задавать не хотелось; взрослые как-никак люди. Потому, замолчав, в собственные думки погрузились.

– Крики вроде, – вывел их из задумчивости рыжебородый детина, отправленный с небольшой дружиной в охрану экспедиции, как в шутку называл их поездку Николай Сергеевич.

– Чего? – встрепенулся Милован. – Что за крики?

– Кажись, лиходействует кто, – прислушавшись, сплюнул рыжий.

– А и верно, – встав в полный рост и прислушавшись, кивнул Милован. – Ох, кого-то отвадим, – снимая лук, грозно проворчал он.

– Не велено, – прогудел рыжий. – Князь говаривал, что головой отвечаем за чужеродца; и ты, и я.

– Никола здесь ждать будет! Не пойдет он с нами.

– А как западня на Николу твоего? Кому голова с плеч?!

– Какая западня?

– Мне знать почем?! Вон, Дмитрий Иванович зря, что ли, в охрану дружину отправил?! Велено охоронять, так и охороняю, да вопросов не задаю!

– Твоя правда, – чуть поколебавшись, отвечал бывший лихой. – Поехали дальше.

– Э! Стой! – всполошился пенсионер. – Как поехали? Поворачивай! Поворачивай, кому говорят!

– Не твоя забота, Никола! – попытался угомонить его товарищ. – Поехали!

– А ну стоять! – взвыл пенсионер. – Там, – ткнул он пальцем в сторону, откуда доносился шум, – души православные губятся, а он: «Поехали!»

– Не замай, – набычился в ответ бывший лихой. – За грехи, знать.

– Князем не велено, – добавил рыжий. – За ослушание сам знаешь, что.

– За жизни трясетесь?! – взбеленился в ответ Булыцкий. – Перед князем предстать боязно?! Так, значит, шкуры сохранив, душами расплатитесь, да?! Или перед Господом боязни нет? На Суде Страшном с пятном на душе предстать, а?!

– Ты имя его всуе не поминай, – бывший лихой попытался осадить товарища, но тщетно. Тот, вмиг набрав обороты, уже не на шутку разбушевался.

– Медь пустозвенящая! – выпалил тот в ответ. – Поклоны бьете, да вера та – от лукавого! Авраам по наказу Божьему сына в жертву принести собирался! Сын Божий, да те, кто за ним шел, смерти мученические приняли во имя спасения душ чистых, а вы! Гнева княжьего убоялись, да как Ионы во чреве рыбы, попрятались!!! Трусы! – Соскочив с саней, Булыцкий решительно двинулся на крики.

– Да стой ты, леший! – первым пришел в себя Милован. – Стой, черт! А, шельма, и пес с тобой! – Решительно скинув лук, тот бросился вслед за товарищем. – Чего пялитесь, тетехи?! – развернувшись, прикрикнул он на топчущихся в неуверенности дружинников. – Айда на помощь!

– За мной, православные! – тяжко бросил рыжий, вынимая меч, благо источник шума совсем рядом был. Буквально за располагавшимся в двух сотнях шагов прилеском.

Расстояние преодолели одним махом, выстроившись в длинную цепочку. Со всего ходу врубившись в заросли, задыхаясь, вылетели к месту происшествия.

– Вот шельмы, – на секунду остановившись, оценивая обстановку, зло сплюнул Милован.

Несколько десятков орущих мужиков штурмовали добротный сруб. Воинственно размахивая кто ножами, топорами, а кто и просто дубинками, они уже повалили хлипкий забор, отгораживавший строение от остального мира, и теперь, с матерками и криками выламывали двери дома.

– Никита, шельма! А ну, выходи!!!

– Дом попалим!

– Выходи, кому сказано!

– Пшеницу втридорога решил! У, мы тебя!

Разошедшись, мужики, похоже, настроены были серьезно. Уже и взвился дым – подпалили один из углов жилища. Дверь с треском вылетела прочь, и из дома, пытаясь спастись, с криками и визгами вылетели одуревшие от страха женщины и, как были – босые и простоволосые, кинулись в разные стороны. Кое-кто из собравшихся мужиков бросил свое занятие и, рассыпаясь в похабных шуточках, ринулись догонять баб. Остальные же, не обращая ровно никакого внимания на беглянок, продолжили штурм.

– А ну, охолони! Ноги пообрубаю! – Вылетев из прилеска, дружинники, разделившись, ринулись кто куда: человек десять – на одуревших от азарта насильников, остальные – усмирять разбушевавшихся смердов.

Погнавшиеся за бабами первые сообразили, что влипли. Догнав было беглянок и повалив их в снег, мужики, приведенные в чувства мощными пинками подоспевших дружинников, теперь сами, отхаркиваясь кровью, валялись на снегу и слезно молили о пощаде. Пара самых резвых попытались утечь, однако тем еще больше раззадорили ратный люд, которые, рассвирепев, уже не разбираясь, одним махом посшибали тем головы.

А рассвирепевшая толпа продолжала штурмовать дом. Не обращая внимания на разбегающихся домашних и челядь, мужики выволакивали на улицу отчаянно голосящего хозяина, умоляющего разбушевавшихся о пощаде.

– Кончай разбой! – На пути толпы возникли два десятка ратных дел мастеров с мечами наголо. И как бы ни были разъярены смерды, но и они, остановившись, принялись отчаянно креститься, не отпуская все же изрядно побитого Никиту. – Зачинщик кто? – тяжелым взглядом обводя притихших мужиков, спросил рыжий. Толпа пришла в движение и, чуть погудев,

вышвырнула к ногам дружинника того самого горемыку. – Как такое возможно? – наступив тому на руку и не давая подняться на ноги, поинтересовался здоровяк.

– Шельма, пшеницу втридорога уторговывает!

– Поперву за бесценок брал, а теперь со свету сживает!

– Жрать нечего, а он – в грех!

– Брехня! – отчаянно взвизгнул Никита, снизу вверх глядя на детину. – Почто беру, по то и отдаю!

– Наказ Дмитрия Ивановича: сколько есть, пшеницу токмо княжьим людям продать. Утаил значит? – насупившись, отвечал тот.

– Христом Богом молю, – сообразив, что попался, заверещал торгаш.

– Провиантом, кроме как монастырям или людям княжьим, торговать запрет был; скажешь, не ведал?! – подняв меч, грозно прикрикнул муж.

– Прости, бес попутал! – взвизгнул тот, отчаянно прикрываясь свободной рукой.

– По дереву мастеровой кто? – не обращая внимания на ревущего Никиту, поинтересовался рыжий. Из толпы неуверенно вышел щуплый мужичонка преклонного возраста.

– Шельма он, – уткнувшись в землю, отвечал тот. – Алчности грех на душу взял, да Бог прощать велел. И так страху натерпелся небось. Ты бы отпустил.

– Не твоя забота! – оборвал мастерового человек Дмитрия Донского. – Грамоте обучен?

– Ему своего греха на душу – вдоволь. Грешного накажешь, так и свой грех и его на свою душу посадишь, – словно и не услышав вопроса, продолжал бубнить старик.

– Отвечай, коли вопрошают! – потеряв терпение, прорычал рыжий.

– Не обучен, – замотал головой тот.

– Поди! – прогнал старикана муж. – Этого, – кивнул он на обливающегося слезами торгаша, – и тех, кто баб лапать полез, – на висельню. Огонь гасите, да припасы – в Москву. Там нехай раздают всем, кому потребно.

Мужики, погудев, разбрелись выполнять наказы княжьего человека.

– А ты стой, – выискав глазами того самого старика-мастерового, детина, схватив, ловко подтащил его к себе. – Висельню сладишь. Сразумел?! Не сразумел если, – не дождавшись ответа, прорычал грозный муж, – самому башку – долой! – подтащив обмякшего, как кукла, старика, проревел дружинник. В ответ мужик лишь мотнул головой, и уже совсем скоро на закрепленной между жердинами ворот перекладине разъяренные холопы повесили хозяина дома с разбушевавшимися в запале лиходеями.

– Шельмы, – сплюнув, покосился на них рыжий. – А ну, цыц! – замахнувшись на воющих рядом женщин, прикрикнул он. – Ведомо же, что против воли княжьей пошел, так и чего теперь глотки рвете! Поехали, – убедившись, что все кончено, подытожил Милован. – Князь ждет.

Перекрестившись, Николай Сергеевич со своими спутниками направился дальше.

Дома царила суета. Никодим, освободившись от забот, по вечерам гордо выхаживал по комнатам в новых, специально по праздничному случаю скроенных одежках: красной атласной рубахе, добротных штанах и богато украшенных валенках, важно раздавая указания дворовым, наводящим марафет в и так содержащемся в идеальном порядке жилище. После успешной демонстрации технологии литья князь расщедрился, оплатив из своей казны все расходы Николая Сергеевича, понесенные при возведении домны, строительстве помещений и закупке сырья. Кроме того, Дмитрий Иванович распорядился выделить еще двадцать рублей гостю своему в знак высшей княжьей милости. Недолго думая, трудовик, разделив сумму, отдал семь рублей обалдевшему от такой щедрости Никодиму и по три – Ждану с Матреной. Парнишке – «на сладости», девушке – «на приданое». Понятное дело: те отнекиваться принялись от столь щедрых даров, да так, что учителю и поорать пришлось, и погрозиться.

Кроме того, понимая, что Матрена скоро уйдет к Миловану, пенсионер нанял еще дворовых, целью которых было поддержание дома и хозяйства. Ладные, рукастые, покладистые. И мальчонка с ними бойкий – Матвейка. Шумный да на язык остер. Что ни слово – так с шуточками да прибауточками. Нанял, и ловчей по дому все стало. Да и потом, по уверению ближайшего его товарища, дворовый люд добавит важности при смотринах, сведя к минимуму риск отказа. Хотя тут он, конечно, перегнул; если и сам князь взялся за дело, то и говорить не о чем было. А если прибавить к этому то, что поведал пришельцу Владимир Андреевич, так и вообще становилось непонятно, за каким лядом ему дали еще почти три месяца после удачной демонстрации домны. Истиной причины Булыцкому, конечно, никто не объяснил, но, как догадывался сам пришелец, то была некая дань уважения традициям земли, откуда прибыл чужеродец. Впрочем, и эта поблажка лишь на определенный срок была. Мол, будь по-твоему, Никола Сергеевич! Ухаживай! Позже женим.

Скрипя зубами, учитель начал наведываться в гости к будущим родственникам. Поначалу вроде как по хозяйству помочь: полочки те же самые сладить или, например, разъяснив кузнецам что да как, крючки изготовить для одежды. Для себя, понятное дело, вначале. Потом Матрена петлицы нашила на зипуны да штаны, а трудовик первое подобие шкафчика смастерил с дверками закрывающимися, да крючки те внутри приколотил. Дождавшись очередного визита высоких гостей, с гордостью продемонстрировал новинку. Ох, понравилась она и Дмитрию Ивановичу, и Владимиру Андреевичу. Уже через неделю в палатах княжьих такие появились. А затем, к невероятной радости покалеченного Тверда, такую же сбили в доме бывшего рынды[8]. Так, за заботами этими, слово за слово начал с Аленой общаться.

Поперву, понятно, – дежурно. Доброго, мол, здравия. Как, мол, поживаете? И прочее. Потом уже, в хлопотах разговорившись, начал понимать, что не такая уж и мегера она, как вначале виделась. И приветлива, и умна, и ладная. В общем, выражаясь словами Великого Комбинатора, «Лед тронулся!». Только по упертости своей природной преподаватель все еще фыркал, едва заходил разговор о его скорой женитьбе. А на деле так и радовался втихаря выбору князя: ведь и вправду дуреху мог какую подсунуть, с которой только в запой или в петлю. Ну или времени не дать совсем, и кто его знает, как бы тогда оно все вышло. Особенно с поправкой на характер Николая Сергеевича. В общем, по мере приближения сватовства отходил Булыцкий, злобу свою постепенно умаляя.

– Слышь, Никола, да ты уж и расцвел прямо! – усмехнулся как-то Милован. – Оно хоть и ерепенишься, да, видать, и не тяготит тебя женитьба, а?

– Все-то ты, леший, видишь, – проворчал в ответ преподаватель. – Ты-то когда свататься собираешься?

– Так после тебя сразу, – расплылся в улыбке его бородатый товарищ. – Матрена просила.

– А ей-то какая беда? Что ей с того, когда за тебя идти?

– А такая, что сделал ты для нее ох сколько! Как отец! Приданого, вон, – три рубля! Батя родной не каждой дочери такого даст! Вот и желает, чтобы все так было. А я и не перечу; больно ладный ты мужик, Никола, а еще и брат названый. Куда мне поперек старшего-то лезть?

– Спасибо на слове добром, – улыбнулся пришелец.

– Славные они; Тверд да Алена. Задиристые только, так без этого нынче как? Да никак! Ты тоже – хорош. На пустом месте иной раз дров таких наломаешь!

– Ладно, ладно, – остановил его Булыцкий. – Погутарили, и будет.

– Как скажешь, – спокойно согласился его собеседник. – Будет так будет.

За хлопотами утекли еще полторы недели, за которыми и наступил последний день Рождественского поста. А раз так, то начали собираться сваты, наряжаясь в лучшие одежки да

[8] См. книгу первую «Спасти Москву».

дары наготавливая. В назначенный день, отстояв утреню, Милован с Никодимом в сопровождении свиты верных пацанят погрузились в специально подогнанные для этого дела сани да покатили к дому Тверда. Булыцкий же, выйдя на крыльцо, облокотился на перила, ожидая посланцев. Ведь тут уже историка интерес взыграл, шутка ли: самолично принять участие в уже практически забытом в наше время обряде, пусть и местного масштаба! И хоть не так это было увлекательно и завораживающе, как битва за Москву или посещение скоморошьих потех, но все равно – захватывающе. Особенно когда ты под шестьдесят годов вдруг молодоженом заделался!

Ну и сам факт, конечно, душу грел, что только ему, обычному преподавателю из Подмосковья, за невесть какие заслуги довелось поучаствовать в глобальном эксперименте: «Измени историю». Причем не в роли фактически бесправного наблюдателя, а-ля дон Румата, но – непосредственного участника процесса с правом на внесение корректировок. Порой даже совершенно невероятных! Улет! Особенно учителю, для которого самым масштабным мероприятием до того было организация областной историко-краеведческой конференции!

Ждать пришлось долго. Уже и замерзать начал Булыцкий, и надежда затеплилась: вдруг там криво что пошло, да и отказал Тверд гостям. Да только и она скоро угасла. Задорные свисты задолго до появления «свадебного кортежа» известили окрестности о том, что сторонам удалось прийти к согласию. Минута, и во двор влетела шумная орава.

– Все, Никола! – не дожидаясь, пока остановятся сани, разгоряченный Милован соскочил на утоптанный снег. – Согласие дал Тверд. Третьего дня теперь на смотрины жди! Да гляди мне, – в шутку погрозил он кулаком своему товарищу, – лицом в грязь не ударь! Я тут жениха так нахвалил, что хоть бы и саму княгиню тебе!

– Ух, умолил! – статно сошел на землю Никодим. – С таким-то ясыком хоть бы и на ялмалке толгофать! Уш больно шибок! – как показалось виновнику торжества, даже с завистью посмотрел на товарища ремесленник. – Женку пы отдал свою, коли такой толховаться плиехал пы, – неожиданно звонко расхохотался мастеровой.

– Да ну тебя, – фыркнул в ответ Булыцкий.

– Все, Никола. Ежели ты не оплошаешь, считай, дело сделано! – подбоченясь, гордо вымолвил дружинник.

– Оплошаешь тут с вами, – беззлобно проворчал учитель, – черти.

Следующие два дня пролетели за хлопотами. Холостяцкий дом, и без того вычищенный и вылизанный, теперь представлял собой образцово-показательную хату, по которой можно было охарактеризовать хозяина как мужика хоть и безродного[9], но при этом крепкого, рачительного и рукастого.

– Казарма прямо, – усмехнулся пенсионер.

– Чего за казарма такая? – поинтересовался Милован.

– Дом большой для служилых. Ратникам военным; от всего отдельный.

– Что за во-ен-ный?

– Ратник военный – на то и назван, что только службу несет.

– Так и смерд несет, коли князь кликнет. И холоп боевой – тоже. Куда к ним еще и ратника твоего во-ен-но-го, – с усилием выговорил он непривычное слово.

– Ты, Милован, по-своему все судишь. Я – иначе, – задумавшись, а как бы толковей-то объяснить товарищу, что здесь имеется в виду. – Холоп боевой, а паче ратник – они хоть и в войске, да только служение это так: есть замятня – с оружием в руках, нет – с сохою, да про свои требы. А ежели в рати, – так пока князь не отпустит. Иной раз – хоть и год навылет. Выходит, и человека нет, и траты все обеспечь, а как посевная или страда, так и что: пропадай все?! А холопу боевому, – так вообще – князь не хозяин!

---

[9] На Руси того времени в домах жили родами: старики, их дети, внуки и т. д. Булыцкий проживает один.

– Ну так и есть, – кивнул бывший лихой.

– А во-ен-ный, – по слогам, чтобы его товарищ хорошенько запомнил, повторил пришелец, – он только и делает, что слу-жит. Тренируется да науку ратную постигает.

– Что за наука-то? По мне, так и дело простое; коли разом все, да к тому еще и удаль есть, да дух, да воевода ладный, так и мужи на радость женкам домой с хабаром вернутся. А если разлад, да окромя толпы – ничего, так и быть беде. Да и на что твои во-ен-ны-е, ежели дружина есть? – Милован лишь пожал плечами.

– А сколько тех дружинников-то? – отвечал учитель. – Ну, сотни две. Так ты с ними с добычи поделись. Так ты с ними, как с дитями тетешкайся. А как уйдет?[10] Да и непросты дружинники-то твои. На них, порой, и управы не сыщешь, а в бою – все одно гуляй-поле. Хоть опытны, да верны, да сильны, а каждый – себе на уме. А указывать такому полезешь, так и башку снимет.

– Что за дружинник-то, ежели ему каждый – указ?! Без гонору и муж – не муж.

– А у каждого ежели гонору того, так и делать что будешь? Да и не каждый такому и власть. Только воевода!

– Заместо дружинников своих, что ли, этих…

– Да зачем заместо?! Зачем?! Дружина – та завсегда с правителем! Чем сильнее она, тем и правителю уважения больше. А ежели князь – из городу, дружинники-то тю-тю! Вместе с ним! А лихо случись, кому оборону держать? Посадским, выходит, да тем, кто в крепость успел! Военный – тот князя не всюду сопровождает. Тот на посады охраняет, да в сечи ходит. И без гонору, да не сам по себе!

– Хоть убей, в толк не возьму! И дружинники, и холопы, и ратники. А тут тебе еще во-ен-ны-е! Куда их столько?

– То ты нынешними мерками судишь, – покачал головой преподаватель. – А оно вскорости ох как все попеременится! И люд появится, что только сечами жить и будет, и наука военная, где все наперед уже загадано; когда, кому, как да что делать в сече. Хоть бы и лютой самой. И не за хабар в руках держать будет. И без права уйти.

– Погоди, погоди! То есть как это?! А харч откуда?! Это же таких кормить! Вроде как дружинник, выходит. А в то же время – нет. Ежели смерд, то кто землю обрабатывать будет?[11] Или лиходейничать им надобно, а?!

– Зачем лиходейничать? Они – княжьи! Князь их и кормит!

– С чего бы?! Праздность да леность – грехи!

– Да какая праздность?!

– А такая, что страда или хоть и житница, а они, вишь, баклуши бьют! Землю пахать пора пришла – а они, по лавкам сидя, сечи ждут! Князь – к соседям, так и дружина с ним, а во-ен-ны-е опять баклуши бьют.

– Да погоди ты! – замахал руками Булыцкий. – Вот завелся-то: в лености! Да баклуши бьют! Служат они! Слу-жат и ничем больше не занимаются!

– Да как так-то?! Служат, пока замятни да беды. А мир да лад ежели? Дружинник – то понятно. Он и с князем всегда рядом, и в походах, а эти чего? Ты мне, Никола, растолкуй, чем твой во-ен-ный холопа боевого, а паче дружинника, лепше?

– Тем, что не гуляй-поле, но в строю воевать обучен! И доблестью своею красоваться ему не перед кем; все дело единое делают.

– Чем тогда холоп неладен? И гонору нет, и послушен, да еще и боярский… А ратник – так вообще смирен. Вон, сколько надо их.

---

[10] На Руси дружинник – военная элита. Князь содержал дружинников из доходов казны, а также делился хабаром.

[11] В описываемые времена обычные ратники еще не выделялись в класс профессиональных воинов. Только в XVI–XVIII веках оформилось выделение из общей массы отдельного класса – холопов (деловых и боевых).

– Ага. А собирать их сколько будешь на сечу, а? А в бою такой как себя поведет, если, кроме плуга да топора, держать не умеет?! Если в ратном деле не смыслит ничего, толку с него?! Вон, дружинник или боярин, да хотя бы холоп боевой один со сколькими смердами сладит?!

– Да какой смерд на боярина руку подымет?!

– А ты в сшибках, наверное, спрашиваешь, прежде чем мечом замахнуться: кто, мол, будете, роду, мол, какого? – оскалился в ответ пенсионер.

– Все равно, – его собеседник упрямо мотнул косматой башкой.

– Ну, не смерд пусть! Нехай – ратник!

– Пеший конному – не помеха!

– Обучить да вооружить если, – еще та помеха. Уж поверь.

– Ну-ка, поясни, – усмехнулся бородач. – В жизнь не поверю в небылицу твою!

– Потому и не поверишь, что ведаешь: ратники – как облако комариное: рукой махнул, и разлетелись кто куда. А по одному долго ли порубить, особенно если неумелые? А ежели в строю обучить стоять, вооружить, с топором тем же научить обращаться… Так, чтобы и близко никто! И показать, как у ворога принято; отступление, для глаз отводу, дабы не обманулся и строй не рассыпал! А за ними – лучников, супротив верховых. Да не двоих или троих, а десяток! И так построить, чтобы ни с какой стороны не подступиться! Гуртом всюду обучить, по командам и перестраивались, и в атаку разом! Плечом к плечу! И назад, если придется, – чтобы стеной, а не как горох! Что? Не сила, скажешь, а?!

– Ну, – задумчиво протянул Милован… – Дружинников обучи.

– Так мне Дмитрий Иванович и дал дружину свою. В поруб швырнет, лишь заикнусь о том. Да и потом, сам сказал: гонору много. Ты таких попробуй чему обучи… Мне бы тех же смердов набрать, да наукам из грядущего обучить…

– Мож, и прав ты, Никола. Уж слова зело красиво льешь, да только вряд ли… – задумавшись, почесал затылок муж.

– Чего вряд ли?

– С холопами боевыми, как на ладони все: боярин кормит их да содержит. А за то ему – земля в распоряжение, чтобы и сам кормился, да людей своих… А с твоими во-ен-ны-ми, выходит, князю одна только морока: одень, накорми, вооружи! Не до того сейчас Дмитрию Ивановичу, – так же задумчиво продолжал Милован. – Оно, с одной стороны, людей пристроить бы куда, чтобы и на глазах, и при деле, и на лихо не тянуло. С другой – еще и сверх тратиться… Накладно. Почитай рублей по пять на душу, и то, без кольчуги если, ну, или совсем ежели с худой. Ну, семь… Ну, никак не меньше! Не пойдет он на то сейчас, – бывший лихой покачал головой. – Тебе бы с боярами перетолковать. А дело-то, кажись, доброе, ежели все разом, как один!

– Так зачем разом вооружать-то? Ты пока собери, да обучи хоть бы и с оглоблями, как с копьями, да с палками заместо мечей! Да командам научи боевым.

– Что за команды?

– А на то, чтобы разом все, да не гуляй-поле; каждый сам по себе. Оно как метелка: по прутику, так и не сила. А как вместе, так и не перешибить. Да и потом, – видя, что его оппонент колеблется, продолжил преподаватель, – вон, орудие какое заместо тюфяков вылили! А с таким обращаться уметь надобно! Без того своих же и перебьешь. Тоже ведь обучи! Да не просто так, а чтобы, кроме этого, и не занимался ничем другим пушкарь твой.

– Верно говоришь, – чуть подумав, согласился дружинник. – Только – к князю тебе дорога прямая. Ему решать.

– Ну, так пойдем!

– Эй, эй! – всколыхнулся бородач. – Скор ты больно! Ты давай сначала с женитьбой закончи, а потом…

– Да ну тебя! – выругался Булыцкий. – Заладили: обожди, шибкий, спорый. Ждать-то чего?! Князю, оно ведь тоже время надобно! Разом только то, что он желает: вынь да положь! А тут… Сейчас скажем, к весне, даст Бог, дозволит. Пошли!

– Угомонись ты, бес окаянный!

– Не идешь?! Ну, так я сам, тетеха сонная!

– Тьфу на тебя! Как что в голову вобьешь, так чирья на заднице хуже! – выругался дружинник, но все-таки, потоптавшись, пошел вслед за товарищем.

Уже к палатам княжеским подходя, сообразили, что верней было бы поперву Владимиру Андреевичу рассказать про затею свою. Все-таки в ратных делах к нему бы прежде, чем к князю Московскому. А раз так, то и дорога прямая к Владимиру Серпуховскому. Вот только подумали об этом поздно.

– Чего, Никола, неймется? – усмехнулся вышедший на крыльцо князь. – Знаю, – жестом остановил он гостей, – если сам Никола пожаловал, так, значит, опять удумал чего-то. Прыток, – уважительно кивнул Великий князь Московский. – Заходите, чего, как татаре-то?

Поклонившись, товарищи вошли внутрь и живо поднялись наверх.

– Чего намыслил?

– Того, что не рать тебе нужна сейчас, дабы границы княжества крепить, а войско, как… Как у тевтонов тех же. Всех забот было бы, что с оружием обращаться уметь, да науки ратной премудрости постигать. Чтобы в бою и смекалист, и вынослив, и обучен! И не каждый сам по себе героем, но все вмести, как один; плечом к плечу, – разом выпалил трудовик.

– Что мелешь?! – Благодушное настроение князя разом улетучилось.

– О чем ты? – искренне поразился трудовик.

– И смекалист, и умен, и обучен, – оскалившись, передразнил Дмитрий Иванович. – Тебя послушать, так получается, дружинник княжий – дадон неуклюжий?!

– Бог с тобой, князь! – оторопел Николай Сергеевич. – Разве так говаривал?!

– Вот и твоя радость, что не ты говаривал, а я не слыхивал! – оскалился князь. – Поди!

– Сказать позволь, Дмитрий Иванович…

– Дозволил уже!

– Хоть показать, на что наука та способна, народу дай. Богом-Христом прошу!

– Ох, чужеродец, – оскалился князь, – в порубе, знать, забыл как сидеть?

– Бог с тобой, Дмитрий Иванович! Как лучше ратую ведь! Ты же мне и про Тохтамыша верить отказывался, а оно вон как вышло!

– Долго мне еще окаянным в харю тыкать будешь, а?!!

– Все, чего прошу: дозволения твоего! Дальше уже – забота моя! Время дай, хоть чуть, а там поглядишь да решишь: дельное оно или нет.

– Тьфу на тебя!!! – в сердцах огрызнулся правитель. – А дозволение – в придачу. Ты с мальцами в монастыре Троицком тетешкался, вот и бери их, да науками своими княжича потешай! Этими твоими… Потешниками! – выругался Дмитрий Иванович. – Как опротивеет, назад в смерды их всех!

– Благодарю тебя, князь, – чтобы не спугнуть удачу, поспешил поклониться Николай Сергеевич.

– Да поди же ты, репей! И про порох, – остановил он пенсионера. – Про порох не запамятуй. Иначе в порубе сгублю! Ратники ему княжьи не любы… Поди!

Не смея перечить, друзья торопливо покинули помещение.

– Талдычил же: угомонись ты, бес! – едва оказавшись на улице, набросился на товарища Милован. – Нет! Неймется ему все! Руки чешутся! Вон, слава Богу, женишься скоро; будет куда прыть свою девать! Князя на месте ровном прогневил! – пилил он друга своего. – Еще

чуть – и до беды рукой подать! Что, как Тимоха[12] желаешь, да?! Или в поруб! Все ему неспокойно!!! Князь, может, и про наказ с порохом позабыл свой, а ты тут сам на глаза явился! – до самого порога орал дружинник, мало-помалу выпуская пар. – Ты, Никола, вот чего, – наконец, успокоившись, проговорил Милован. – Ты порох лучше придумай как дать! Там князь, глядишь, дозволение даст и дружинников к тебе в помощь. Оно кто его знает: мож, хворь какая или настроение сегодня негожее. Богу ведомо, чего взъелся. Оно, – уже совсем примирительно продолжал тот, – сам иной раз не угадаешь, куда там кривая выведет.

– Так ведь дозволил князь! Дозволил!

– Тьфу на тебя! Смотрины завтра; гостей встречать. А у него – диковины в мыслях.

– Твоя правда, – машинально ответил Николай Сергеевич, уже о своем думая.

– Ну, так и добро. Ступай, отдохни, а там и видно будет, – Милован продолжал увещевать, совершенно неверно расценивая причину задумчивости друга. А учитель, спровадив товарища, забрался на печь и принялся размышлять – как бы ему пацанов количество необходимое найти для формирования потешных полков, командование над которыми возьмет юный княжич и которые, дай Бог, в будущем составят костяк непобедимой армии. И так и сяк прикидывая, кого, чему и как обучать, не заметил, как и заснул.

Утром его разбудил сиплый кашель Милована:

– Поднимайся, Никола. Уж утро божие на дворе. В храм молитву воздать, да гостей на смотрины принимать, а там – и слава Богу.

Потянувшись, преподаватель, соскочив с печи и лицо у рукомойника сполоснув, принялся наряжаться. Специально подготовленные для этого штаны, новая рубаха, сшитая по такому случаю, поверх которой – атласная верхница и очередное новшество: жилетка-телогрейка на беличьем меху.

– Ишь ты, – усмехнулся, глядя на товарища, Милован, – душегрею переладил. Ну-ка, покажись! – как почудилось, с завистью даже проговорил бородач. – Срамно одежку-то бабью мужику[13].

– Да ну тебя! – отмахнулся Николай Сергеевич. – Чего бабьего-то увидал? Разве что похожи, да и только. Рубаха, вон, тоже и мужняя и женская есть, так и что? А с телогрейкой и статно, и пояснице, – для пущей убедительности учитель похлопал себе по спине, – лад. Вон, в тепле все, а ежели жарко, так скинул – и беды никакой тебе.

Милован ничего не ответил, только хмыкнул и до самого визита гостей то и дело взгляды бросал на гордо выхаживающего по дому товарища, выряженного в шикарную даже по современным меркам короткую жилетку.

Неожиданно для самого себя Николай Сергеевич франтом еще тем оказался; денег не пожалел ни при выборе материала, ни при крое, ни при украшении нового вида одежки, да еще и в четырех экземплярах выполненного. Опытом уже наученный, рассудил пришелец, что вещичка в быту полезная, но в массы ее продвигать всяко правильней через персон знатных. Как печку. Князю если приглянется, так и лад. Считай, полдела сделано. Если нет, то и на этот случай появились уже мысли у неугомонного трудовика.

С улицы донеслись задорные свисты и крики, извещающие о прибытии гостей. Еще раз бегло оглядев свое жилище, жених вышел на крыльцо встречать будущих родственников.

– Люди добрые, гостей встречайте, да покажите, что женишок-то ваш славен! – задорно соскочил с подлетевших к крыльцу саней раскрасневшийся от морозного воздуха Тверд. – На словах-то… – Не привыкший еще балансировать одной уцелевшей рукой, он, поскользнувшись, с размаху приземлился на снег. На помощь мужчине тут же подскочил сопровождавший

[12] См. книгу вторую «Тайны митрополита».

[13] В обиход традиционная мужская телогрейка пришла несколько позже.

его дворовый. – Поди прочь! – неловко поднимаясь на ноги, прикрикнул дружинник. – Сам управлюсь! Где жених?! – Увидав вышедших на крыльцо хозяев, гость расплылся в довольной улыбке. – Ну, Никола! Ну, учудил! Бабье напялил! – запрокинув голову, расхохотался бывший рында.

– А ты, гость дорогой, не на одежку тычь! – статно прогудел Милован. – Ты дом смотри, да погляди, каков хозяин зять твой будущий!

– А хочешь, – усмехнувшись, добавил преподаватель, – сам примерь. – С этими словами он ловко скинул богато расшитую телогрейку и протянул ее Тверду. – И ладно сроблена, и тепла, и без рукавов, что хоть накидкой носи, – с улыбкой глядя на будущего своего родственника, продолжал жать трудовик. – А? – призывно кивнул жених. – Дар тебе в знак уважения.

– У, лукавый! – беззлобно замахнулся уцелевшей рукой, расплылся в улыбке тот, давая тем самым понять, что предложение принято. Тут же рядом возник приставленный к мужу дворовый, который помог накинуть новинку.

– Ну, гость дорогой, доволен или нет? – смотря на то, как Тверд разглядывает подарок, усмехнулся пришелец.

– А дом-то твой как, годится для молодой? Манатками-то одними не упасешься, – удовлетворенный осмотром, задорно поинтересовался визитер. – Не тесна ли горница будет?

– Так зайди да посмотри! – ухмыльнувшись, отвечал дружинник, призывно распахивая двери и приглашая вовнутрь.

– Хороши сенцы, – удовлетворенно крякнул Тверд, попав вовнутрь. – И инструмент хранить, и, если гости нагрянут, разместить, и тепло в доме.

– Негоже гостю дорогому в сенях-то! Ты проходи. Милости просим, – позвал бывший лихой.

Гость не заставил просить дважды и шагнул внутрь, оказавшись в прихожей, жарко обогреваемой боковиной печи. Дальше, уже как печь заканчивалась, отгороженным от всего остального пространства плотной материей был организован бабий кут.

– Ладно скроил все, – удовлетворенно кивнул дружинник, еще раз оглядев внутреннее убранство дома. – А углов-то что клетей; не много ли? – бывавший в гостях лишь короткими набегами рында только теперь получил возможность, не торопясь, осмотреть жилище будущего родственника.

– Так то, как в грядущем, – с достоинством ответил трудовик. – Гляди. Вот – светлица. Сюда хоть и гостей, хоть и стол накрыть, – поучал он, показывая внутреннее убранство большой комнаты с бойницами крохотных окошек, затянутых бычьим пузырем. – Здесь – опочивальня, – завел он визитера в отгороженную стенкой небольшую уютную комнатку, в которой стояла добротно сбитая деревянная кровать.

– Это чего? – пораженно глядя на массивное резное изголовье, поинтересовался визитер.

– Кровать.

– Чего?!

– Кровать, говорю.

– А полати тебе чем не милы? Чем лавка не угодила-то?[14]

– Так тоска от них! Ни повернуться, ни развернуться!

– А места сколько занимает! А как кто придет, так и не рассадишь.

– Так и нечего гостей в опочивальню водить! То для жены с мужем. Все остальные здесь – нежеланные. Вон, тебе, – кивнул он на стоящие по стенкам лавки да расставленные вокруг массивного стола стульцы, – для гостей. Надо сколько, столько и рассадишь.

– А маеты пока сладишь?! – не сдавался дружинник. – А мастерам заплатить?!

[14] Кровати в Россию пришли вместе с реформами Петра Первого. До этого спали на лавках, полатях или печах.

– Так не неволит никто, – пожилой человек лишь пожал плечами. – Не хочешь, не плати. Спи себе на полатях. – На этот аргумент его оппонент не нашел что ответить.

– А тут чего? – выйдя в небольшую комнатку, прилепившуюся прямо к предпечью, одной из стенок которой было полотнище, отделявшее женскую половину от всего остального пространства.

– Трапезная, – пояснил хозяин.

– На что? Княжьи, что ли, хоромы?! Ты, Никола, честь-то знай[15], – гость непонимающе замотал головой.

– Чего непонятного, – пожал плечами Булыцкий. – Опочивальня – почивать чтобы; хоть бы и днем ты умаялся, так и ушел, пусть бы не мешал никто. Трапезная – сам видишь; невеличка, да то и лад. С утреца-то проснулись, откушали чем Бог послал, да труды творить. А как гости придут, так и в светлицу всех рассаживай. Коли остаться кто решит до утра опять же – есть где уложить.

– Ох, небось натратился, дом такой мастеря, – уважительно протянул Тверд.

– Натратился, доход, значит, имеет. Жених, стало быть, ладный! – азартно вклинился в разговор Милован. – Вон, гляди, артель по плинфе, да пушечная артель, да по валенкам – еще одна. Оно хоть и княжье, а все равно, главный там – Никола. Доволен?

– Хорош женишок. За зависть, – вместо ответа уважительно прогудел Тверд.

– Доволен, получается? – Милован подался вперед. Визитер кивнул головой в знак согласия. – Так, и за стол пожалуй. Уж мы, как видишь, тебя поджидая, по чести сготовились: и показать есть что, и на стол поставить. Наш товар, как говорится, – на ладони, теперь свой изволь. Кто ведает, может, нам чего не приглянется, а? Знать желаем, какая сестрица у тебя хозяйка!

– Ну, так и вы к нам пожалуйте, – поклонился в ответ Тверд, усаживаясь на специально приготовленное почетное место.

– Отведай, чем Бог послал, – входя в раж, продолжал верховодить бородач. – К визиту твоему вон и диковин сготовили. Гляди, – на столе появилась плошка с тушеной картошечкой, да еще одна, поглубже, с борщом, – вон и князю не всякому такого отведать доводилось, а тебе, как по наказу. Угостись, окажи честь!

– Хороши диковинки, – отведав и того и другого, довольно хмыкнул гость. – И жених на славу, и невеста клад. Род добрый пойдет!

– Ты не торопись, – оскалился в ответ Милован. – К согласию пришли, да по рукам-то еще и не ударили. Никола вон с Дмитрием Ивановичем Донским самим знается! Человек-то уже и не последний. Все в трудах, угодных князю, дни навылет! Так и пару ему соответствующую: чтобы и ладная, и рукодельница. Покажи давай, чего умеет!

– Так и мы теперь – родственники княжьи, – покончив с угощением, задиристо отвечал гость. – Так и тоже люди не последние!

– А умеете чего?

– А чего хотите-то?! Накормить, одеть, за хозяйством приглядеть, мужа ублажить? А все Аленка сделает! Как на духу тебе говорю!

– Так тебе – сам Бог велел! А пусть сестрица что скажет, а пуще – покажет!

– А ну, поехали! – поднимаясь на ноги, пригласил Тверд. – Чего словесами-то кидаться? Оно всяко краше делом доказать.

Делегация теперь уже и с Булыцким вместе дружно расселась в санях и, собирая за собой ватагу охочих до зрелищ мальцов, понеслась в гости в дом невесты. Впрочем, понеслась – сказано уж очень громко. Оно, пока внутрь крепостной стены не закатились, с ветерком. А как

[15] Внутреннее устройство домов (за исключением княжьих или домов знати) того времени предполагало условное деление. Часто – комната, разделенная на две части: мужская и женская половина. Реже – пятистенок.

сменился простор на тесноту улочек, так и поплелись едва-едва, порою с трудом протискиваясь между напирающих друг на друга оградок. Так и тащились до уже знакомого дома.

– Заходите, гости дорогие! – первым соскочив с саней, пригласил хозяин в свой дом. – А ну, Аленка, встречай! – позвал тот, едва войдя в сени. – Женишок-то хорош, так и нам лицом в грязь теперь негоже!

Из двери вышла богато одетая сестра. Поклоном приветствовав прибывших, она скромно пригласила их пройти к столу.

– Хороша, – довольно хмыкнул Милован, – да чин ведает. С такой невестой хоть бы к князю самому, и то – не срам. – Тверд лишь расплылся в улыбке: знай, мол, наших!

Уже внутри, прочитав молитву, гости расселись за богато сервированный стол отведать приготовленного невестой угощения. Аленка же, скромно потупившись, встала в красном углу, ожидая дальнейших распоряжений.

– Хороша хозяйка твоя, – отведав из очередного блюда, похвалил Милован. – И все, что ли? – дерзко продолжил тот, покончив с угощением. – Алеша – три гроша, шейка – копейка, по три денежки нога; вот и вся твоя цена! Мы тебе вон какого жениха! Тут пирогами не отделаешься!

– Это один только задаток, а дело впереди! – задорно ответил Тверд.

– Так и показывай!

– А ты носа не вороти! Вон, приданое богато; часу своего ждет! – кивком указывая на небольшой, припрятанный в углу сундук, ухмыльнулся старший брат.

– Ох, и не видать-то отсюда! – приложив к глазам ладонь, поморщился гость. – Сундучок-невеличка, так и стенки по пальцу, а внутри – кукиш! Небогато приданое-то, видать.

– Яхонт красный – тоже невеличка, а цена – не укупишь. – Войдя в раж, мужчины, казалось, забыли и про Николая Сергеевича, и про Аленку. Рассыпаясь в шуточках, они сварливо, по-базарному торговались, всячески нахваливая будущих мужа с женой.

– А в приданое-то что? Дырка небось от бублика-то?

– А в приданое – зясть; мало, что ли?

– А к зятю-то что?

– А вон. Утварь, чтобы дом – полна чаша, наряды, – пусть бы красней солнца женушка-то была, покрывала, да простыни, дабы ночами мягко молодым, прялка, – чтобы всегда в обновках, серебро, да отрез[16].

– Хороши дары, – важно кивнул головой бородач, – да что-то не верится! А ну-ка, похвались! – Уверенным шагом бывший лихой двинулся к сундуку, рядом с которым тут же вырос Тверд, чтобы, в одно мгновение с готовностью, распахнув крышку, предъявить его содержимое.

– Гляди, да глаза не сотри, – ухмыльнулся в ответ брат невесты.

– Ну-ка, ну-ка! – Совершенно не стесняясь, бородач извлек из нутра хранилища тонкой работы исподнюю рубашку. Вопреки ожиданиям Булыцкого, ни хозяин дома, ни тем более молчавшая весь ритуал Алена не возмутились такому нахальному поведению. Напротив, Тверд азартно, словно бы на рынке торгуясь, что-то там отвечал да жарко спорил, нахваливая сестру да набивая цену. А вот пришельца это покоробило. Настолько, что аж и злоба глухая заклокотала.

– Заканчивай! – когда Милован извлек из загашника очередное платье, негромко, но твердо скомандовал преподаватель.

– Чего?! – Товарищи, увлекшиеся процессом, не сразу и сообразили, что происходит.

– Балаган, говорю, кончайте! – ударив кулаком по столу, прорычал трудовик.

– Никола, ты чего?! – аж подпрыгнули участники торга.

---

[16] Отрез на саван – одной из важных частей приданого был отрез на саван, который дарился на случай гибели во время родов матери или ребенка.

– Хороша твоя сестра, берем!

– Эй, эй, Никола! Ты не суетись. Не горячись ты. Оно, хоть ты как крути, а без смотрин – никуда! – засуетился Милован. – Ты чего?!

– А того, что срам по сундукам девичьим мужикам лазить! – краем глаза заметив, как зарделась Алена, выпалил пожилой человек.

– Так ведь смотрины… – растерялся Тверд. – Положено.

– То снохе положено! И матери! – отрезал пришелец. – А мужику в бабьих вещах лазить – срам!

– Мож, и прав ты, – растерялся от такого поворота Милован. – Может, и срам.

– Хороша хозяйка твоя, – продолжал переть пришелец. – И стряпуха, и умелица, и красна, и приданое ладное. Берем! Тем паче что и князя с митрополитом благословение на то! – уверенно закончил он.

– Берем, – утвердительно кивнул бывший лихой.

– Ну, раз так, то отведай, гость дорогой, – в руках хозяина возникла плошка с хмельным медом, которая тут же перекочевала к жениху. Памятуя о последнем происшествии с брагой, Николай Сергеевич, прилагая все силы, чтобы не поморщиться, маленькими глотками осушил ее до дна.

– Ну, и Бог в помощь, – почему-то облегченно вздохнул Тверд.

Венчание назначили через пару дней. Свой первый и, как казалось, единственный за всю жизнь брак Николай Сергеевич, что естественно, проводил без таинства; время не то было. Да и сам… Молодой, горячий строитель социализма. Ему бы кто и предложи тогда обряд этот провести, так и не понял бы: а зачем, мол? Потом уже, с возрастом начал помаленьку в сторону церкви поглядывать. Особенно когда те самые легендарные лихие девяностые наступили. А как супруга его ушла – и зачастил по монастырям да храмам. Ну а как в прошлом и оказался да с Сергием Радонежским познакомился – уверовал. По-настоящему. Вот так оно вывернулось в итоге. А раз так, то даже и намека на какой-то внутренний протест не возникло. Более того, даже непонятно было, как вообще без венчания-то?

Утром назначенного дня, ненадолго присев на дорожку, Булыцкий с верными своими товарищами да парой особенно приблизившихся мастеровых, прихватив с собой меду, пряников да пирогов, собрался в путь.

– Ну, Никола, – первым поднялся на ноги и, перекрестившись, поклонился в сторону красного угла Милован, – с Богом.

– В добрый путь, – опершись на костыль, поднялся присоединившийся к свите больших бояр Слободан.

– С Бохом! – последовал примеру товарищей Никодим.

– Э-ге-гей, Никола! – подбодрил серьезного своего товарища дружинник, на долю которого сегодня выпало быть дружко жениха. – Не кручинься! Стерпится, слюбится! Аленка – ладная баба! Еще и с ребятенками потетешкаешься!

– Поехали уже. Условились, сосватались да смотрины устроили. Чего теперь тянуть-то? Венчание да свадьба, да и быть семье!

– Присмирел, гляжу, – усмехнулся Милован. – Так и слава Богу. Давно бы так.

– Поехали, – выдохнул учитель. – Невеста с боярами своими небось маются. Негоже, ежели молодой ждать с самого начала заставляет.

– Такого зениха и потоштать не глех, – вставил словцо Никодим.

Булыцкий не стал развивать полемику, но, лишь хмуро глянув на образа, первым вышел в сени, занимать свое почетное место. За ним, перекрестившись, двинулись остальные и, рассевшись по саням, двинулись в путь, за невестой.

В этот раз ехали медленнее; народу уж больно много было, желающего дорогу перегородить да выкуп потребовать. Так, мало-помалу и двигались, пока наконец не подкатили к дому Тверда.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – на крыльцо неторопливо вышел наряженный во все лучшее, в том числе и в шикарную свою душегрейку Тверд. – Жених на зависть: смекалист, рукаст! У самого Великого князя Московского на счету хорошем. Ну, так и мы, – усмехнувшись, продолжал встречающий, – не лыком шиты. У Дмитрия Ивановича тоже – в почете. А коли так, то и благословление роду новому. Милости просим! – распахнул он дверь, приглашая войти внутрь.

Чуть замявшись, чтобы откупиться от собравшихся зевак, жених с большими боярами вошли в дом невесты.

– Смелее, Никола, – Милован в спину подтолкнул замешкавшегося на входе товарища. – Давай же, – шепнул он пенсионеру. А потом уже громко, чтобы услышали все собравшиеся, добавил: – А места, чай, княжьи готовы?!

– Готовы, – уперши единственную уцелевшую руку в бок, отвечал брат. – Княгиня уже, вон, стосковалась по суженому своему, – кивком указал он в сторону стоящей чуть поодаль невесты с распущенными косами. – Бог с вами и благословление братово, – поклонившись, он указал молодым на их место за столом: в углу напротив красного.

Короткое застолье, и вот уже свадебный поезд направился прямиком к Чудовой церкви, где и было запланировано таинство.

Уже подкатив к зданию, остановились: не сразу решив, как быть Тверду с Милованом и пришедшим на таинство Дмитрием Ивановичем с братом. Впрочем, заминка та ненадолго была. Принимая во внимание возраст жениха с невестой, то, что оба – вдовцы, а также заслуги мужчины перед княжеством, решили: зайдут все вместе.

Высокий статный священник затянул тягучий торжественный молебен: «Благослови Владыко», после которого начался следующий, а потом – и третий. Закончив с молельной частью, служитель, взяв в руки кольцо Алены, легко и грациозно надел его на грубый палец Николая Сергеевича: «Обручается раб божий Николай рабе божией Але-е-не!» Потом с достоинством проделал то же самое и надел кольцо на пальчик невесты: «Обручается раба божия Алена рабом божьим Ни-ко-ла-а-а-а-аем».

Закончив с кольцами, святой отец постелил перед ногами молодых ярко-красное шелковое покрывало, на которое, почему-то поколебавшись, под звуки витиеватого псалма, встал глава семьи – Николай Сергеевич Булыцкий. Следом за ним на полотно поднялась и невеста.

Почувствовав над головой какое-то движение, Николай Сергеевич, подняв глаза, увидел, что над ним и над его невестой Милован и незнакомая ему женщина держат по венцу. Представив, каково сейчас коренастому, но в то же время невысокому Милованy, трудовик едва заметно усмехнулся. Непросто бедолаге, вытянувшись, держать украшение-то! Особенно с учетом того, что пенсионер на полголовы выше товарища. Эта нечаянная усмешка хоть и была практически незаметна, но не укрылась от присутствовавшего на таинстве диакона, неодобрительно качнувшего головой.

Отстояв службу, молодожены ненадолго расстались: Аленку увели в сторожку, где переодели в наряд замужней женщины, заплели косы и повязали повойник, лишь после чего отпустили обратно к жениху.

Еще раз перекрестившись, молодожены покинули церковь и под поздравительные выкрики гостей и сбившихся к самой церкви нищих оборванцев торжественно уселись в поджидавшие их сани свадебного поезда.

– Во славу божию!

– Долгих лет!

– Совет да любовь!

Истово крестясь, нищие хриплыми голосами выкрикивали поздравления, неуверенно топчась вокруг саней и не решаясь прямо просить милостыни. Готовый и к такому обороту, верный Милован живо распотрошил мешки с угощениями и незамысловатыми подарками.

– Налетай, честной люд! – подбоченясь, задорно крикнул он. – За здравие молодых молитвы вознесите! – Толпа пришла в движение. Подавшись вперед, горемычные потянулись к раздающему гостинцы благодетелю. Крестясь и кланяясь в сторону Булыцкого с Аленой, они, приняв дары, торопливо осеняли себя знамениями и, отвешивая серии поклонов в сторону храма, прижимали угощения к груди и куда-то исчезали.

– Гляди, отроков сколько, – задумчиво почесав аккуратную бороду, прогудел пенсионер.

– Так ведь во время похода Тохтамышева народу посекли, – невесть как услышав замечание товарища, отвечал бывший лихой. – Да и на новых местах холопов да смердов страсть сколько поперемерло, – уже совсем угрюмо добавил он.

– Да, дела… – угрюмо пробубнил пришелец. – Рук-то сколько ладных пропадает.

– Н-но, родимая! – азартно прикрикнул Милован, подстегивая лошадей. – Ты о других поменьше кручинься; особливо сегодня! Воля на все Божья! Знать, за грехи испытания!

Сани тронулись, оставляя позади почтительно притихших оборванцев.

– Чего смурной такой, Никола? – впервые за все время обратилась Алена к теперь уже законному мужу.

– Все ладно.

– Чего придумал опять? – улыбнулась в ответ женщина.

– А? – не сообразил мужчина.

– Голова толковая-лад, к голове той руки-клад, а как женка появится, так и Бог в помощь.

– Складно говоришь, – усмехнулся в ответ трудовик. – Умна, я гляжу.

– Муж без жены – что птица без воздуха, – потупившись, отвечала Твердова сестрица. – Муж – сила, женщина – мудрость. Друг без друга хоть и можно, да все равно вместе сподручней.

Булыцкий промолчал, но лишь про себя отметил, что Алена – женщина ох какая непростая. А поняв, мысленно отблагодарил и Дмитрия Ивановича, и Киприана, и Тверда за то, что именно на нее пал их выбор.

Покружив по узеньким улочкам, запутывая следы[17], уже через Никольские врата двинулись к дому жениха, где еще со вчерашнего дня суетилась челядь, готовясь к свадебному торжеству.

– Э-ге-гей, Никола! – расхохотался возница. – Женка, что калита, чем к телу ближе, тем покойней! К себе прижимай, да глаз не спущай! Голубица полюбится, а там и детки и род новый, что и боярам на зависть родовитостью своей бахвалящимся! – Под эти прибаутки сани буквально ворвались во двор Николиного хозяйства. – Тпррру, родимые! – дружка лихо осадил лошадей, остановив их прямо перед крыльцом. – Мед сладкий – боярам большим, пиво хмельное – малым! – как диджей на дискотеке, без умолку голосил бывший лихой, приводя в движение все вокруг. – Без хмелю и свадьба – не свадьба, и веселье – не веселье. А хмелем – и сласть, и страсть, и хворь поутру! Ты, Никола, не робей! – подбодрил тот замешкавшегося товарища. – Невеста – из дома отчего уже ушла, так и в свой веди, да не тяни! А вы, – прикрикнул на сгрудившуюся у крылечка челядь, – а ну встречайте гостей дорогих, али не рады?!!

Живо соскочив на снег, преподаватель подал руку, помогая выйти супруге. Управившись, они двинули на крыльцо, где их уже, расстелив под ноги красную дорожку, встречал собравшийся люд. Рассыпаясь в благословлениях и поздравлениях, пришедшие на торжество принялись щедро посыпать молодых злаковыми, желая благополучия и достатка.

---

[17] Одна из примет свадебного обряда – возвращаться другой дорогой, чтобы не сглазить.

– Ну, Алена, вот и дом твой теперь, – показывая внутреннее убранство готового к застолью жилья, коротко представил мужчина. – Тебе хозяйкой здесь быть.

– Эгей, хозяева, – снаружи раздались задорные крики и свисты. Молодые вышли во двор, куда только-только подкатили сани князей и еще одни с совершенно незнакомым преподавателю богато одетым боярином со свитой.

– Здравствовать вам, гости дорогие, – поклонившись, молодожены приветствовали вновь прибывших. – Хлеб-соль!

– Ну, Никола, доволен, а?!

– Спасибо, князь. Доволен.

– Ну, так дары принимай! – Сопровождающие подтащили к порогу увесистый сундук. – Тебе и женке твоей на радость, – довольно расхохотался Дмитрий Иванович. – Ну, чего на улице держишь?! Или в грядущем так с гостями положено?!

– Милости просим, – разом поклонились хозяева.

– Семен Непролей[18], – улучив момент, прошептал Тверд. – Со Смоленского княжества отошел на служение к Дмитрию Ивановичу.

Гости, весело переговариваясь, зашли внутрь и принялись рассаживаться за богато сервированным столом; строго говоря, тут тоже полагалось соблюсти целый ритуал, однако, с учетом возраста молодых, их текущего статуса вдовцов, а также приняв во внимание то, что Булыцкий, чужеродец по происхождению, вечно куда-то пропадал, возясь со своими диковинами, решили опустить эту часть. Ну, разве что в углу обоих в красном посадили. Нет, сначала, конечно, попытались вдолбить пришельцу законы проведения праздничных церемоний, да потом, видя, что преподаватель с большей охотой в мастерской проводит, да новинками занимаясь, чем науку эту постигает, махнули: «Ну и пес с тобой!» Сватовство, смотрины, венчание – все по чину; застолье – как знаешь! На том и оставили пришельца в покое. И чтобы вопросов не возникало, объявили, что пир честной уже по его, Николиному, чину будет.

Второй раз уже принимавший участие в застолье, Николай Сергеевич решил во что бы то ни стало поразить гостей. А раз так, то постарался на славу. И гусляры, и яства, и блюда из продуктов диковинных! А к столу – чугунки, по технологии новой отлитые![19] Булыцкий-то с них начал эксперименты свои, да только и не подумал о ценности изделия нового, аналогов в известном мире не имеющего. А вот нашлись люди углядевшие, да смекнувшие, да князю на то указавшие. Вот и потянулись купеческие караваны в княжества соседние, где чугунки те нарасхват пошли! Так, что уже и в Царьград помаленьку экспедиции снаряжать начали, ожидая, когда сойдет лед и лодьи с ушкуями, наполненные драгоценными емкостями, потянутся на Восток. Вот и получилось, что чугунок обычный разом стал украшением домов самых богатых и знатных жителей Москвы и соседних княжеств. Ну и дома Булыцкого, само собой, на зависть гостям, что попроще.

А еще одна изюминка – столовый прибор: керамическая посуда[20] да вилка[21] с ножом! Настоящие! Ох, намаялся, пока кузнецу объяснил, на что инструмент необычный требуется и для чего! И долго тот понять не мог, а как сразумел, так креститься начал истово.

---

[18] Семен Гаврилович Непролей – боярин Смоленский. Основатель одного из старейших боярских родов.

[19] См. книгу вторую «Тайны митрополита». В оригинальной истории чугунки появились много позже, т. к. технология литья чугуна была неизвестна, а сам чугун, оставшийся после обработки металла, называли чушками, свиным металлом и т. д. Таким образом, эта новинка – своеобразная драгоценность, доступная далеко не каждому. Вдобавок хороший экспортный продукт, не имеющий пока аналогов в мире.

[20] На Руси в широкий обиход тарелки (тарели) входят с XVII века. До этого – лишь отдельные упоминания. Обычно использовались блюда, каждое в расчете на несколько человек, или чугунки, или кувшины (в простых семьях). Тарелки использовались при застольях. Обусловлено было чаще всего теснотой помещений и большим количеством человек, обычно живущих в доме. Поэтому, из соображений экономии места, все ели из одной емкости.

[21] Первые вилки на Руси появились с Мариной Мнишек, но прижились они только в среде знати и дворянства и в основном

– Ох, не вводи в грех! Где видано: с рогатиной, да за столом! Инструмент дьявольский и не проси; не выкуем отродьям на радость! Поди от греха-то подальше!!!

И долго так еще мыкался от мастера к мастеру, пока не отыскался горемыка из деревни нищей, за харч который согласился работать, да на металле давальческом. Отяба – так звали исхудавшего мастера, – поворчав лишь, принялся за дело и после нескольких попыток и согласований выковал ничего себе так инструмент с двумя изогнутыми зубьями. А к нему – простого вида нож по образу и подобию столового. Похмыкав, пришелец одобрил изделия и заказал еще несколько комплектов на случай, если кто из гостей решится последовать примеру хозяина дома и испытать диковины. Хотя, конечно, не очень-то и рассчитывал трудовик на то, что оценят гости его старания. Так, собственно, и вышло. Нож с вилкой, которыми сам Булыцкий попытался отрезать кусок мяса, поначалу вызвали бурю негодования: мол, «чего это рогатинами на празднике светлом орудуешь?!» и «Чем тебе руками да ложкой нелепо?». Кое-как сгладив эффект, учитель вызвался продемонстрировать новинки в работе и под любопытными взглядами отрезал и попытался отправить в рот небольшой шматочек мяса, да вот беда: не донес. Под довольный хохот собравшихся кусочек, не удержавшись на зубцах, соскочил и шлепнулся на пол.

– Ну, Никола, – довольно крякнул Дмитрий Иванович, – диковины твои из грядущего не только ладные, да еще и потешные. Вон, скомороху не всякому так повеселить народ честной дано. Нечего, – смахнув слезу, продолжал князь, – рогатинами…

– Сейчас, может, и нечего, – буркнул в ответ трудовик. – В грядущем только так и будут.

– Ну, и чего в них? – презрительно кивнув в сторону приборов, брезгливо поинтересовался Дмитрий Иванович. – Смердам отдай. Они с вилами мастаки.

– А того, – спокойно пояснил пожилой человек, – что руками грязными нечего хватать. Вон, брюхо мучить будет.

– Чего это грязные? – Его оппонент и так и сяк повертел ладонями перед глазами. – Чай, не смерды. У тебя вон рукомойник, что ли, зазря стоит?

– Рано еще, – пенсионер не стал ввязываться в ненужный спор. – Ты, князь, картошечки отведай с икрой кабачковой.

Донской, довольно крякнув, наложил в отставленную было тарелку яств, кивком приглашая всех остальных последовать его примеру. Инцидент с вилкой благополучно замялся и благодаря конфузу с демонстрацией приобрел даже характер шутки, что ли. Настолько, что, начерпав из корчаги да испив хмельного меда, гости один за другим решились попробовать непривычный инструмент в деле. Под одобрительные окрики собравшихся первым на то отважился Владимир Андреевич. Уверенно, как рукояти мечей, взяв их, брат княжий, буквально вонзив вилку в запеченный окорок, ножом откромсал приличный кусок. Довольный успехом, он под веселые шуточки собравшихся попытался отправить добычу в рот, но был вынужден отказаться от затеи: уж шмат слишком здоров. Да и в кулаке держать вилку оказалось ох как неудобно! Приходилось и так и сяк выворачивать кисть, чтобы отхватить кусок.

– На, Никола, – кое-как управившись, отбросил он инструменты хозяину дома. – Мудрено больно. Умаешься, пока брюхо утолкуешь. Ладно, вон, застолье ежели потешное. А в походе как?!

– Ну, так в застольях поперву, – пожал в ответ плечами пришелец. – Потом, как пообвыкнешь, так и лад.

– Мудрено! – князь упрямо мотнул головой.

благодаря усилиям Петра Первого. До этого вилка действительно вызвала волну негодования и заклеймена как «Рогатина» и «Дьявольский инструмент». В народе ввод в обиход вилки связывается в основном с приходом советских общепитов.

– Чего мудреного-то? – разгорячившийся от хмельного преподаватель вновь взял в руки приборы. – Гляди! – принялся он за дело. В этот раз гораздо успешней. Отрезав небольшой кусок того же окорока, пришелец ловко отправил его в рот.

– Ну-ка! Дай сюда! – потребовал Дмитрий Иванович. Преподаватель молча передал ему инструменты. – Ничего мудреного, говоришь, – тот сосредоточенно повторил все действия пришельца и, изловчившись, отправил в рот добычу. – Долго, – проглотив кусок, подытожил он.

– Неумеючи – да, – согласился молодой.

Итак, гости, по очереди попробовав в действии вилку с ножом, сошлись на том, что вещички в общем-то потешные, да толку с них – чуть. Умаешься, пока сладишь, да и дороги; не укупишься. Раз так, то решили, что князю отдаст их трудовик, чтобы тот гостей заморских потешал да удивлял. Застолье пошло своим чередом, инцидент замяли, превратив его в объект для задорных шуточек, а гости, приналегши на хмельной мед да как следует разгорячившись, уже кто и в пляс пустился, а кто и про подвиги свои ратные завел речь.

Рассевшись по лавкам, они, по очереди слово беря, в воспоминания погружались. А между гостями, ловко орудуя уточкой, носился Матвейка, следя, чтобы плошки их не опустошались. И чем дальше застолье, тем жарче речи, тем кичливей похвальба, да тем медленней и неуверенней Матвейка, то и дело проливавший мед мимо плошек.

– Ты, Никола, вот чего, – когда пиршество подошло к концу, склонился над трудовиком князь. – Третьего дня Ваську в обучение примешь. Считать, да про земли рассказывать далекие, – наставительно поднял палец он. – Киприан в помощь человека надежного даст. Учи мальца, – тяжко поднимаясь на ноги, пробасил великий князь Московский. – Ему дело продолжать начатое.

– Благодарю, князь, – поклонился в ответ ошеломленный Булыцкий.

– Бога и благодари. Моя судьба в его руках, как твоя – в моих. Я, мож, для того и княжича даю тебе, чтобы обучить его ты успел, прежде чем в поруб тебя, коли пороху дать не сподобишься. Уж почитай третий год жду![22] – Булыцкий, поджав губы, промолчал, понимая, что сейчас перечить хмельному князю как минимум рискованно для жизни.

[22] См. книгу первую: «Спасти Москву».

Глава 2

Уж и не думал, что кровь так взыграет! Вроде как и не второй даже свежести мужик-то, а жару дал, аж сам удивился! Вечером поздним; когда и гости, и челядь разошлись, разгоряченный от меда хмельного пенсионер, ногой откинув лавку, двинул прямо на покорно склонившую голову новоиспеченную хозяйку этого дома.

– Ну, иди сюда, Аленка, – жарко выдохнул он, буквально сгребая супругу и легко, словно пушинку, поднимая ее в воздух.

– Тише ты, Никола, – подняв голову, неожиданно улыбнулась та. – Переломишь. – Вместо ответа трудовик ловко подхватил ее на руки и бережно понес к кровати. Там уже, сноровку за годами потерявший, запутался в юбках жениных, а потом еще и с этими бесконечными веревочками-тесемочками завозился на штанах своих, дрожащими руками теребя их, да, как назло, наоборот, узлы навязывая.

– У, зараза! – прохрипел он и с рыком рванул штанину. Натянувшаяся веревка впилась в мясо, но молодому не до таких мелочей уже было. Проклятая удавка с треском лопнула, и пенсионер, ведомый первобытной страстью, бросился на супругу. Впрочем, и молодая по ласке мужней стосковалась; как до дела дошло, так и с довольным воем впилась в кожу, в кровь раздирая спину Николая Сергеевича.

Уже после, когда, покрытые потом, без сил распластались на свежих простынях, прижалась Аленка поближе к супругу. И снова, как давно, когда впервые молодоженом был, Булыцкий прижал к себе свернувшуюся калачиком женщину.

До утра заснуть не смог, не веря, а еще больше боясь, что все это – сон какой-то невероятный. И стоит лишь закрыть, а потом снова открыть глаза, и все исчезнет, вернув его опять к школьному начальству, классным собраниям и прочей тоскливой суете… Так и лежал, верить отказываясь в происходящее. А как пробудилась челядь домашняя да наполнила дом привычными звуками, так ужом выскользнул из-под одеял и, придерживая штанину, на цыпочках прокрался из комнаты.

– А ну! – едва не запнувшись о мыкавшегося под дверью Матвейку, прикрикнул хозяин дома и, не обратив внимания на нетвердую походку паренька, двинул к клети, наткнувшись там на товарища своего древнего.

– Довольна Аленка осталась? – приветствовал его копошащийся с домашней утварью Ждан. – Ты, Никола, не только в делах сметлив, – переводя глаза на обрывки пояса, усмехнулся паренек, – да и горяч, что юнцу впору!

– Ты язык-то попридержи, – беззлобно отвечал трудовик. – Или завидно? – усмехнулся вдруг он.

– Мож, и завидно, – чуть подумав, кивнул парень. – Мож, и самому страсть как охота.

– Так и женим тебя!

– Ох, и скор ты! – замахал тот руками.

– Все, – уже не слушая юнца, решительно отрезал пришелец. – Матрену выдаю, и за тебя сватать кого буду. Да не боись ты, Ждан! Невесту ладную подыщем! – подбодрил Николай Сергеевич.

– Э, Никола, – оторопел парень. – Я, того… Может, смеху ради.

– Бабу тебе пора. Не парень – клад! И диковины выращивать обучен, и ладен, и весел. Что с костылями скачешь, так и не беда. Вон зиму тому назад, так вообще едва ковылял, а теперь – хоть и в пляс! Довольно бобылем! Решено! Женим тебя!

– Спасибо, Никола!

– Земли у меня, князю великому – поклон, вдоволь. Отстроим и тебе дом недалече, будешь добра наживать да за грядками присматривать. А то куда я без тебя-то?

– Спасибо на слове добром!

– Ступай, квасу холодного принеси, женишок!

– Сейчас, Никола, – тот поспешно заковылял выполнять поручение, оставив погрузившегося в воспоминания учителя. Пришелец, пока женатый был, так частенько, проснувшись пораньше Зинаиды, варганил чего-нибудь на скорую руку. Чаю там или какао с гренками. Так, чтобы любимой – прямо в постель угощение. Пустяк ведь, а супруга всегда одаривала романтика очаровательной своей улыбкой, ничуть за десятилетия не изменившейся. Вот и вспомнилось то пришельцу. И страсть как стосковавшийся по улыбке той, едва Ждан принес утку с квасом, пожилой молодой ужом нырнул обратно в комнаты.

– Ты чего, Никола? – Аленка удивленно поглядела на супруга.

– Кваску принес… – растерявшись, промямлил Булыцкий. – Отведай.

– Видано где, чтобы муж за женкой с ковшом бегал, как за дитем малым? – рубашки поправляя, пожала та плечами. – Ты портки лучше давай, залатаю, – улыбнувшись, супруга посмотрела на штаны пенсионера. – Срам, – покачав головой, она исчезла за перегородкой женской половины, оставив растерянного мужчину стоять посреди комнаты с уткой в руках.

– Да, дела, – не ожидавший такого, тот, махом осушив посудину, скинул штаны и повесил их на перегородку.

Весь день потом в маете пролетел. Гости какие-то, угощения, подарки. Супруга, на людях ведущая себя нарочито сдержанно. Слоняющийся Матвейка, об которого нет-нет, да запинался хозяин. И так до ночи до самой. Только вечером повторилось все один в один, как и вчера. С той лишь, пожалуй, разницей, что теперь уже ловчее себя молодой пенсионер повел, да поясок рвать не пришлось.

А со следующего дня начались у Булыцкого новые заботы. С самого утра, едва проснувшись и не обнаружив рядом благоверной, подскочил как ошпаренный; все ему мысль покоя не давала, что это – сон затянувшийся, который вот-вот да прервется на фиг! Ноги в валенки сунув уже, услыхал негромкое мелодичное пение; то супруга, ранехонько поднявшись, уже занималась делами домашними.

– Здрав будь, супруг мой, – увидав мужа, приветствовала женщина. – Едва не проспала, – застенчиво улыбнувшись, потупилась Твердова сестрица. – Уморил за ночь-то. Не по годам силен, – совсем тихо закончила она.

– И тебе здравствовать, – чинно усаживаясь за стол, статно отвечал Булыцкий. – Раз так, то и сил бы восстановить. Чем потчевать будешь, женушка? – Тут же на столе появились чугунок с дымящейся кашей, пара тарелок и ложки. Дождавшись, когда Аленка закончит приготовления, воздав молитву, и к завтраку приступили. А там – и по своим делам: Аленка – к прялке, Николай Сергеевич, ежась от холода, выскочил в сенцы и тут же остановился, прислушавшись. За стенами, судя по звукам, разыгралась пурга. Не такая, конечно, как в день его с Киприаном примирения. Легче, чем в ночь, когда они с Милованом, уже надежду потеряв, к монастырю Троицкому вышли. Даже не такая, как в день, когда его занесло в далекое прошлое, но все-таки. Спустившись вниз и откинув щеколду, трудовик толкнул дверь, однако та не поддалась.

– Что за шутки? – проворчал Николай Сергеевич, наваливаясь на деревянную конструкцию. Под его весом та пришла в движение и, проминая выпавший за ночь снег, наконец открылась настолько, что в эту щель удалось выскочить наружу.

Ох, и намело за ночь! По колено! Так что и до калитки не дойти, потом не покрывшись. Чертыхнувшись, преподаватель двинул в сарай и, отыскав там лопату пошире, вернулся к крыльцу. Уже там нос к носу столкнулся с невесть откуда возвращавшимся Никодимом.

– Шдраф путь, Никола, – на мгновение растерявшись, расплылся в беззубой улыбке мастеровой. – Тоше непокойно? Тфель-то цего отклыта?

– И тебе не хворать, – буркнул пришелец. – Ты чего здесь? Чего дома не сидится?

– Непохода, – что-то там за спиной пряча, промямлил тот.

– Чего там у тебя? – насупившись, Николай Сергеевич шагнул навстречу мужику.

– Так это, Никола, – растерявшись, гончар засеменил назад. – Это фешички плостилнуть. Вот, – засуетившись, тот вдруг вытащил из-за спины плотно набитую торбу и, судорожно развязав, продемонстрировал ее содержимое: мятые шмотки.

– Тьфу, ты, черт! – выругался преподаватель. – А хоронишься тогда чего?! Вон, помог бы лучше! – кивком указал на лопату пенсионер.

– Та, сейшас, Никола! – засуетился тот, завязывая суму. – Сейшас!

– А ну, стоять! – рявкнул Булыцкий, неожиданно хватая товарища за шкирку.

– Ты цего, Никола! Цехо лютуесь-то?! Фещицки-то! Цехо опять утумал-то?! – испуганно затараторил гончар.

– Какие на фиг вещички?!! Где ночь пропадал всю, а?!!

– Ты, Никола, не пуянь! Ты, Никола, пусти луцсе! Я – ф салай, та тепе ф потмогу. Я – михом.

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Рассказывай, откуда вещички?! Не твои ведь!!! Лиходейством, что ли, занялся, а?! – насупился пожилой человек. Затем, секунду помыслив, сжал огромный свой кулак и угрожающе сунул его под нос опешившего товарища. – Гляди у меня! Враз отучу!!!

– Ты цехо?! – распахнув глаза, мужик затряс косматой башкой. – Ты, Никола, поклебом-то не занимайса. Цто я, на лихохо похош?!

– Похож – не похож, а ребра-то пересчитаю! Выкладывай, откуда вещички! Да по-хорошему давай!

– Папу я насел, – поколебавшись, буркнул одноглазый, переводя взгляд с яростной физиономии товарища на внушительных размеров волосатый кулак.

– Кого?! – от удивления мужчина аж присел. – Папу? Отца, что ли?!

– Какого отса?! – в свою очередь поразился Никодим. – Папу!

– Бабу?!

– Ну, та, – словно бы нехотя буркнул в ответ мужик.

– Тьфу на тебя! – выругался трудовик. – Тоже мне, конспиратор!

– Хто?! Ты, Никола, хоть и осерчал, так и хули словом-то! Ветать не фетаю, кто тфой конспилатол…

– Да не хула то! – махнул пенсионер. – А таишь чего?! Ну, нашел, и что такого-то?

– Ницъя она, – буркнул в ответ его собеседник. – Как я, – чуть помолчав, добавил он. – Ни лоту, ни племени. Мыкаеца с лебятисками да милостыню плосит.

– Милостыню, говоришь, – трудовик задумчиво почесал бороду. – Много небось таких?!

– Хфатает, – нехотя ответил Никодим.

– И ребятишек и взрослых?

– Ну, та… Лепятни мнохо. Как тени. Тохо и глядишь Бох плибелет.

– А ну, Никодим, собирай всех, кого знаешь, – негромко, но твердо скомандовал преподаватель.

– Цехо утумал-то?

– За харч будут работать горемыки твои?

– Путут, – мастеровой непонимающе посмотрел на собеседника.

– Созывай, кому сказано! Живо! – видя колебания товарища, прикрикнул мужчина.

Едва солнце встало, как перед домом Булыцкого собралась толпа с полсотни замотанных в невероятное тряпье доходяг. Старики, бабы, юноши и совсем еще дети; склонив головы, они стояли перед крыльцом, понуро глядя под ноги.

– Жрать хотите? – оглядел поникшую толпу вышедший на крыльцо преподаватель.

– Во славу Божию!

– За Христа ради!

– Господа во имя! – разноголосицей в ответ загудели собравшиеся.

– Значит, так! – начал Николай Сергеевич. – Москву вон как замело! Дорожки пробить надобно бы, люду честному ходить дабы. Кто возьмется, а?! За харч?! – азартно выкрикнул пенсионер.

– Ты бы поперву покормил, – отозвался кто-то из толпы. – Вон, дух невесть в чем держится-то.

– По одному становись! – выкрикнул хозяин дома. – Никодим, со стола тащи, что осталось!

– Никола?!

– Тащи, сказано!

Через пару минут все было готово, и длинная змея очереди двинулась к наспех организованному пункту раздачи питания, где, вовсю орудуя глоткой, Никодим распределял среди доходяг пироги, куски хлеба да еще какие-то там остатки с застолья. Аленка, поглядев за действом, куда-то отправила Матрену, и уже скоро по рукам были пущены крынки с молоком.

Покончив с угощением, горемыки снова стянулись к крыльцу. Глядя на них, Булыцкий лишь усмехнулся; все-таки мерзопакостная тварина – человек; толпа ведь ох как поредела! Кое-кто, набив брюхо, под шумок предпочел исчезнуть, памятуя об обещании заставить их работать. Запомнить бы – кто. Словно прочитав мысли покровителя, рядом возник Никодим.

– Сенька Охалин с шенкой утекли, – пробубнил он на ухо пришельцу. – Олесь-суконщик, да…

– Потом расскажешь, – перебил его Николай Сергеевич. – Ты поглядывай да запоминай. А пока лопаты тащи!

– Никола, так не укупишь!

– Без наконечников. Деревянных. Тех, что наготовили уже.

– На что они?!

– На то! Снег убирать!

– А, – сообразил наконец ремесловый. – Цего тасить-то? Салай отклой, сами пусть и белут.

– Тоже верно, – согласился его собеседник. – Слушай сюда! – обратился к нищим он. – Говаривал, да повторю: Москву снегом засыпало, что и люду честному не пройти! Улочки прочистить надобно да тропки пробить! Пока вкалываете, обед сготовим, а там – и до ужина горячего недалече! Кто берется?! Неволить никого не буду! – оглядывая притихших горемык, выкрикнул пенсионер. Из толпы отделились несколько человек, но, вопреки ожиданиям учителя, они не ушли со двора, а, стянув потрепанные головные уборы, обратились к благодетелю.

– Ты, мил человек, не гневись, – давя приступ кашля, взял слово ссутуленный старик. – Уж больно худы здоровьем. Нам бы чего полегче. По силам, – жалобно протянул он.

– Работать хочешь? – переспросил трудовик, вглядываясь в черты говорящего и пытаясь сообразить, а где он мог видеть его раньше.

– Бог, вон, на Суде на Страшном как спросит: «А верил ли в меня?», так и ответить нечего, – надрывно продолжал тот. – Мол, поклоны бил, а в то же время самое напропалую грешил, лености предаваясь.

– Умеешь что?

– А почто грешить-то на месте на пустом-то? – словно и не слыша вопроса, продолжал горемыка. – Жрать хотим, а леность – грех. Совестно задарма просить, – уже совсем негромко закончил старик.

– Делать что умеешь, спрашиваю!

– По дереву мастеровым был, – разродился наконец тот.

– Звать как? – устало поинтересовался учитель.

– Мальцам чего на потеху ежели или по дому… А надо – так и пятистенок поставить…

– Имя!!! – едва сдерживаясь, чтобы не сдобрить речь матерками покрепче, рыкнул пришелец.

– Лелем всю жисть и кликали, – отвечал тот.

– Никодиму в помощь будешь! – отрезал пенсионер, не слушая более очередную тираду странного бродяги, в котором признал того самого мастерового, что попытался вступиться за провинившегося торгаша Никитку.

Раздав инструмент и объяснив суть задачи, Николай Сергеевич быстро распределил народ по улочкам, и те принялись за дело. Сам же Булыцкий отправился «патрулировать», расхаживая туда-сюда и наблюдая – кто да как к делу подошел. Тут же вдобавок и приметил, что лопаты-то – тьфу, а не инструмент! Малы для работы такой. Неудобны. С ними старайся – не старайся, а много не намахаешь. Вот тут и вспомнились Николаю Сергеевичу простецкие школьные лопаты, те, которые для снега. Уж сколько он таких в свое время попеределал, да вот думать не думал, что так радеть за них доведется! Лист бы фанеры – так и уже подспорье! Ан нет. Хотя…

Насколько Николай Сергеевич помнил, процесс изготовления хоть и трудоемкий, а все одно – осилить можно. Вон, в Риме Древнем да в Египте приловчились же! Да настолько ловко, что даже и мебель начали делать с нее! А вот бы и на Руси применить технологию эту! И мастеровых собрать, и науку новую освоить, и материал! Такой, что и египтяне с римлянами ценили; не зря же, вон, премудрость осваивали. Ну и под ряд задач фанера – милое дело! Та же мебель! Сейчас, пока тес рубят, щепы вон сколько! Заодно и клей, может, со смол научиться варить; рыбий-то всем хорош, да не хлебом, как говорится, единым. А тут еще и по дереву мастеровой – Лель, не просто так небось на пути повстречался! В общем, решено: ближайшей новинкой, которой пришелец поразит князя, будет фанерный лист, а дальше, даст Бог, и бумага пойдет.

Ух, и заколотилось сердце трудовика, как представил; пользы сколько с нового материала! Уже и умом своим цепким и так и сяк прикидывал: как бы инструмент для лущения шпона половчее выдумать. А клей можно и рыбий попробовать. А вернее – сразу: смолы древесные.

Решив так, тут же и вспомнил про типичную школьную точилку. Ее чуть доработав, можно и под задачу лущения шпона приспособить! Хоть и мудрено оно все, да уже и не пугали мелочи такие Николая Сергеевича. Вон ведь, домну наладили; кузнечных дел мастера, еще полгода назад и чугун за мусор считавшие, литья науку одолевали да вещички нужные из него робили. И ведь был прогресс! И флюсы какие-то там смогли подобрать, и технологию освоили, и механизм мехов усовершенствовали так, что теперь уже тяга была не ручная, но понуро по кругу ходила пара подводных косматых лошаденок. А тут еще и определили недостатки имеющейся конструкции и теперь ждали лета, чтобы новую, более эффективную домну возводить. А раз так, то и фанера – не задача.

За заботами полдня пролетело, а там и мелодичный звон била известил об обедне. Доходяги, закинув лопаты на плечи, направились к дому благодетеля.

– Ох, и мать! – всполошился тот, вдруг вспомнив, что про кормежку и забыл распорядиться-то.

– Цего словесами хулись? – нахмурился Никодим.

– Да про обед запамятовал! – выругался пенсионер. – Пироги, что ли, остались?

– А цто тепе пилохи? Вон, зенка-то смекалиста, узе и слатила все непось!

– Да не просил вроде ее.

– А и увитим.

Прибавив ходу, товарищи буквально вбежали во двор Николиного дома, где уже вовсю хлопотала Аленка. На вытащенном из комнаты столе пыхтели несколько чугунков, а длинная цепочка оборванцев выстроилась к емкостям в ожидании своей очереди.

– Гляти-ка, Охалины! – оскалился Милован, увидав убежавших от работ. – Ох, я вас! – замахнулся было гончар.

– Не замай пока, – остановил его Булыцкий.

– Далмоеты!

– Не суди. Всему время свое.

А очередь между тем двигалась. Собравшись вокруг столов с горячим, нищие, ловко орудуя ложками, прямо из общих чанов жадно хлебали сготовленные под наставления Алены каши. Насытившись, они отходили прочь, уступая места следующим партиям работников.

– Твои-то где? – поинтересовался пенсионер.

– Да вон, – кивком указал тот на женщину с несколькими детьми, сгрудившихся в кучку, чтобы согреться.

– А где я их видеть мог? – поглядев в сторону семьи, призадумался пожилой человек.

– А мне почем знать-то?

– Звать-то как?

– Офтафка. Фдовица, – упреждая вопрос товарища, пояснил гончар. – Муша пли нашествии Тохтамышевом потеляла.

– Осташка? – призадумался трудовик. – Осташка… Погоди! А не Калиной мужа-то бывшего звали?!

– А Бох ехо снает-то. Оно жизнь прошлая, что сума за спиной, – не заметив, как вздрогнул его собеседник, просто отвечал Никодим. – Утафить все шелаешь, а она и насат утяхивает. А как остафил, так и фпелед идти оно сноловистей.

– Чего-чего? – Булыцкий тяжело встряхнул головой.

– Того, цто былое кануло ф Лету, и не самай. Оно фпойкойней буде.

– Мудрено как, да только попусту.

– Цехо это?!

– А того, что мне мое прошлое, так то – для княжества Московского и грядущее. И как прикажешь быть здесь, а?

– Ох и неплостые ты фопросы садаесь, Никола, – на пару минут задумавшись, негромко отвечал мужик. – Я тепе вот цто скафу; пло тебя уш вон гофолено столько. Мол, и посланник поший, и цуть ли не спаситель… Не знал кабы я тепя, так ше тумал пы. Та фишу, цто мушик ты доблый по пломыслу пошьему сдесь окасафшийся. Латный, та в воле своей и фере – непопетимый; хоть пы и целес поль, а все отно, цто утумал, так то и ладись. Я пы не стюшил, а ты – клемень! Снай сепе, тело плагое тволись.

– Спасибо тебе, Никодим.

– Пох с топой, Никола.

– У тебя, поди, дом-то уже готов? – резко сменил тему пришелец.

– С Пошьей помошью, да твоими руплями, – неумело улыбнулся в ответ мужик.

– Продай!

– Цехо?

– Продай, говорю, мне. Зиму у меня досидишь, а по весне новый тебе отстроим.

– На цто тепе?!

– Казарму устроить для бедолаг, – Булыцкий кивком указал на разбредающихся по своим участкам нищих.

– Так и фсех не прислеешь! Кута фсех в отин-то том?!

– Всяко лучше, чем на улице.

– Луцсе, – с готовностью согласился гончар. – И цто, садалма колмить будес?

– Отчего задарма? Дело найду. Так, чтобы и польза, и во славу Божью.

– Ох, Никола, – покачал головой его собеседник. – Поху отному ведомо, цто там на уме у тебя… Сам бы не снал какофо это; нисенстфофать, ни в зизнь бы не сохласился!

– Так, значит, по рукам?

– А Аленка? Она не путет тохо?!

– Не будет. А если и удумает, тебе какая забота?

– Мошь, я не отин плибуту. Мошь, с папой та титями.

– По рукам? – настойчиво повторил пенсионер.

– А и пес тепя ешь! По лукам!

– Вот и славно. Сколько за дом хочешь свой?

– Ты цего, Никола? Пелены опъелся?! И том постлоить, и тенех тать. Не фосьму! И не плоси даше!

– Рублей возьмешь, да потом вернешь, как дом отстроим. Я тоже не вечный, – продолжил пришелец, жестом останавливая товарища. – Не дай Бог чего случись со мной, так и ты и без денег, и без дома, да еще и с женкой с мальцами.

– Селебло оно, Никола, луки шшет, – задумчиво протянул мастеровой. – Фсю шисть и не фитывал, так и нецехо. От хлеха потале… Ты, са меня есели так латеешь, луцсе сфиток напиши: мол, лабу пожьему Никодиму в слуцае, коли Пог дусу мою пессмелтную плипелет, фытать семь луплей. И мне – лат; селебло луки шечь не путет, и тепе – о людинах тосата не фосьмет, – еще чуть помявшись, кивнул Никодим.

– Вот и ладно, – усмехнулся трудовик. – Пойдем поглядим, как там работники наши.

– Посли.

До самого ужина бродили они с Никодимом по переулкам, наблюдая за работягами, да дивясь произошедшим метаморфозам. Если до обеда все, кроме изначально отколовшихся, одинаково рьяно работали лопатами, то теперь кто-то просто утек. Кто-то, расслабившись и забыв про все на свете, вел неторопливые беседы со знакомцами. Кто-то же, напротив, с утроенной энергией разбрасывал снег, рассчитывая закончить как можно раньше. Тут, кстати, приметили несколько человек, ранее убежавших или вообще с утра не принимавших участия в работах. Такие теперь, либо сменив кого-то, либо вооружившись досками или еще какими-то там немыслимыми инструментами, раскидывали снег наравне со всеми.

– Ну, каково? – заприметив уже знакомых Охалиных, прилежно трудящихся на делянке, ранее занятой другими, усмехнулся учитель.

– Ох, цудеса.

– Приглядывай да запоминай. Мне сейчас самые усердные нужны да крепкие.

– Мнохо нушно-то?!

– Да хотя бы человек двадцать.

– Тватцать? – от Булыцкого знакомый со счетом мужик призадумался. – Путут тебе уселтные.

– Вот и слава Богу.

На том и закончился тот разговор, после которого Никодим остался выполнять просьбу товарища, а трудовик умахнул хлопотать по размещению работников.

Дом Никодима располагался крайне удачно: на том берегу Москвы-реки, с приличным куском земли (тоже, кстати, подарок Дмитрия Ивановича. Не пожалел, как узнал, откуда такая нужная сейчас плинфа, да расщедрился). А еще, по совету Николая Сергеевича, Донской, монополизировав производство строительного материала, жалованье назначил и Булыцкому, и Никодиму. Тут, правда, слукавил немного пенсионер и решил не посвящать в секрет тот мастерового своего, но, лишь дождавшись выплаты, огорошить товарища, буквально осыпав

его денежным дождем. Ведь, по прикидкам трудовика, там никак не меньше рублей шести на двоих выйти должно было.

Тоже новинка, которой втихаря гордился пожилой человек: система примитивнейшего бухгалтерского учета, показывающая, – ну, насколько в этих условиях вообще возможно, – и себестоимость сырьевую, и цену труда наемного, и, о невидаль, производственные нормы в сутки с премиями и штрафами за недовыполнение или перевыполнение плана. А еще – наказания за брак. Вот только не пошло оно все.

– Ох, Никола, и намудрил! – запутавшись в объяснениях пришельца, Дмитрий Иванович одним движением смахнул со стола берестяные свитки, на которых гость из будущего выкладки свои представил. – Тут сам бес ногу сломит!

– Бес, может, и сломит, а грамотному ключнику оно – только подспорье. А хозяину рачительному – тем паче.

– Да какое подспорье, ежели голова кругом?! Ты поди разбери чего! – Великий князь Московский раздраженно кивнул на валяющиеся на полу берестяные свертки. – Где грамотеев таких брать?

– Так то сейчас – мудрено. А потом…

– Вот наступит твое «потом», тогда и будешь речь держать!

– Ты, князь, в чем-то и прав. – За почти два года жизни в далеком прошлом Николай Сергеевич заметно научился держать себя в руках и теперь уже и за словами своими, и за интонациями следил. Видел ведь: фокусы, которые на «ура» проходили со всякого рода напыщенным, но немощным школьным начальством, здесь, с грозными князьями и духовенством, приводили к обратным результатам. Вот и теперь – вместо того чтобы бросаться доказывать свое, убеждая в необходимости немедленного внедрения мудреной науки, по-другому действовать решил. Тем более что не до конца уверен он был в деталях. То Зинаида покойная с табличками этими работать мастерица была большая. От нее же в основном и Булыцкий кое-чего понахватался. Ну и по школьным своим делам нет-нет, а приходилось с бухгалтерами отношения выяснять. – Да и в моих словах есть правда, – следя за реакцией собеседника, мягко начал пришелец. – Ты послушай, а дальше и рассудишь, как тут быть.

– Ну, давай, – князь устало махнул рукой, – сказывай. Все равно ведь не отлипнешь.

– Мудрено то, что я предлагаю, так и разом его не принять; лиха только натворим. А вот если вдумчиво. Вон, та же артель, которая по плинфе; тебе же, вон, ведомо, сколько с нее получаешь?

– С чего бы неведомо быть-то?! – от удивления крякнул князь. – Вон каждому кирпичу цена известна, да сколько продано их, тоже вестимо.

– А тратишь сколько на кирпич один?

– А чего там тратить-то? Глина, вон, дармовая. С возницами да мастеровыми нынче харчем больше расчеты; времена худые.

– Так то – пока! А дальше.

– А дальше и подумаем! – отрезал князь. – Ты мне пороху сперва дай. Или для того нынче чудишь, чтобы забыл я про него, а?! Вон я и то могу, и это!!! А то, что наказ мой не по силам исполнить, так то за суетами своими упрятать желаешь, а?! – Дмитрий Иванович резко подался вперед, да так, что учитель поспешил отпрянуть. – Как Орда или литовцы против княжества моего пойдут, твоими, что ли, – правитель коротким кивком указал на валявшиеся на полу свертки, – отбиваться буду?! – Булыцкий, понуро склонив голову, молчал. – Вот чего, Никола, – набушевавшись, уже спокойно продолжил Великий князь Московский. – То, что за диковины свои ратуешь, то – добро. Да только диковина диковине – рознь. Оно сейчас непокойно. От Тохтамышева разграбления Бог отвел, так новых бед страсть сколько. Пороху дай! Ох как он нужен! Дашь?

– Христос свидетель: что знаю, то делаю! – с жаром отвечал учитель.

– Христос тот – Сын Божий. Тот во славу отца своего смерть принял, – задумчиво отвечал Дмитрий Донской. – Я и свой живот во славу отца нашего небесного принять готов, – подняв глаза кверху, негромко проронил князь. – А вот княжество свое на поругание отдать, – резко переведя взгляд и в упор уставившись на собеседника, с нажимом продолжал Дмитрий Иванович, – не отдам, бо грех то великий! Пороху жду, Никола. Не моя то воля, но Господа самого! Ослушание – грех! Сразумел?!

– Сразумел, – понимая, что спорить бесполезно, преподаватель понуро мотнул головой.

– Мне твои диковины сейчас ни к чему. А ежели опять ослушаешься, на цепь рядом с ямой твоей смердячей усажу, пока не расскажешь, как пороху сробить. А паче – в ней же и потоплю!

– А мальцы, что князя науками военными потешают? Они как же? – одними губами прошептал Николай Сергеевич.

– А с мальцами твоими решено уже! – успокоившийся было правитель вновь взорвался. – Пока у княжича до них охотка есть, так и будут они при дворе! А как надобность отпадет, так и по домам! А пока пусть забавляют, скоморохи! – князь махнул рукой, показывая, что разговор окончен и визитер может быть свободен. Поклонившись, учитель замешкался, не зная, как ловчее поступить с разбросанными на полу свитками. – И эти свои премудрости забери, – поняв причину проволочки, приказал муж. – Хоть печь свою растопить чем будет, и то – польза.

Понуро вышедши из княжьих хором, пенсионер бросил мрачный взгляд на посад, живший своей жизнью и которому было глубоко по фиг на его, пришельца, проблемы. Опять неудача. И Бог бы с ней, с системой учета; честно сказать, и у самого здесь сомнения были: может, действительно – рано. Верно ведь: с дыма[23] как платить – понятно, с земли за пользование[24] – тоже, а вот о производстве говорить – так и рано. Тут целый комплекс вводить новых, совершенно непривычных категорий, таких, как прибыль, себестоимость, затраты… Передернул тут он, конечно. А вот то, что за порох князь на него взъелся, вот то и впрямь беда. А еще большая, что упорством своим, с упрямством учитель, сам того не желая, раззадорил Великого князя Московского. И теперь, чего греха таить, всерьез опасаться начал Николай Сергеевич, что пойдет тот на принцип и доведет обещанное до реализации.

Да и действительно время выбрал худое: порох, он ведь и вправду нужен был. Оно хоть и на колени поставил князей окрестных да бояр распоясавшихся за пояс заткнул, – все одно тревожные новости прилетали: мол, людишки какие-то шныряют, слухи распускают да смуту наводят. Тохтамыш, вон, недоволен. Втихаря, видать, к походу готовится, да серебра не хватает. Так что пришлось ему пятьсот рублей сверх отправить: за Христа ради, лишь бы не встрепенулся да на и без того ослабленное княжество Московское вновь не пошел, а к походу на Тебриз готовился. Оно ведь собери он армию сейчас, так и беда. Хоть и стены укрепили камнем, да орудий из более чем тысячепудового тверского колокола[25] вышло в итоге восемь пушек различных веса и калибра; орудия, способные остановить даже мощную армию еще на подступах к ограждающим крепость рекам! А толку в них, коли немы они?!

И тут тебе другая незадача разом: пользоваться пушками – еще поучиться. При первых же испытаниях заряжали наподобие тюфяков: всяким хламом. Оно, конечно, дальнобойность по сравнению с орудиями убогими, к восторгу всех участников испытаний, увеличилась. Вот только понимал Булыцкий: все равно это, что слитком драгоценного металла гвозди забивать. Ядра нужны были или хоть камни по размеру ствола. И пороху! А то ведь толк какой с орудий,

[23] Одна из разновидностей оброка, применяемая с XIII века: с дыма, то есть с дома.

[24] Имеется в виду порядье (когда крестьянин использует землю за плату). Система крепостного права пришла намного позже.

[25] Колокол, вывезенный из Спасо-Преображенского собора (Тверь).

хламом палящих? Да и на стрельбы, пусть и на тренировочные, порох тот самый проклятущий надобен!

А к тому еще прибавь, что Бог ведает, как бы себя повели насильно переселенные в Великое княжество Московское замордованные голодом да неказистым своим бытом крестьяне, беда ежели, не дай Бог, случись. Ладно, если просто побежали, а если бы на сторону неприятеля встали? Хотя, конечно, едва ли такое возможно было, а все одно… И ладно смерды, а бояре, с мест волею княжьей срываемые, как? Ведь хоть и не лез Булыцкий в дела государственные, ограничившись освоением новых технологий, а все одно понимал: что-то творится. Вон московских бояр сколько с холопами своими по приказу Дмитрия Ивановича, с мест обжитых поднявшись, в княжества соседние отправлено было. А им взамен – Рязанские, Смоленские, Нижегородские да Псковские. Впрочем, не пенсионера то ума дело было. Что видел, так то, что на вновь прибывших местные косо поглядывать начали. Да так, что держаться приезжие старались поближе к Великому князю Московскому, всячески верность свою показывая. Вот и получалось, что, встряску устраивая элитам, Дмитрий Иванович помаленьку утихомиривал недовольный ропот, усмиряя дерзких и показно возвеличивая верных.

Да и у правителей, без верных бояр оставшихся, пыл поутих. А тут еще орудия новые в поучение да устрашение недовольных, да во славу княжью; мол, добром не хотите, силою усмирим да на колени поставим! Впрочем, охотников и не было, тем более что хоть и молчаливы пушки пока были, так о том пока что лишь Булыцкий да князь с самым ближним своим окружением ведал. Лишь раз, на потеху и на устрашение всем желающим стрельбы устроили показные; мощь и дальнобойность орудий могучих показать так, чтобы показать всем: даже и за стенами теперь не укрыться! Так на то – остатки пороха и пожгли!

Вот и получалось, что победитель – Дмитрий Донской, а и побежденных вынужден задобрять. Сполохи ладить да дружины княжеские в помощь отправлять. Мастеров по производству плинфы отсылать и в Муром, и в Тверь, и в Рязань, и в Великий Новгород, и в Псков, артели организовывать да производство протокирпича для стен каменных налаживать, чтобы князей покоренных авторитет поднимать[26]. А тут еще и новая забота: оперативная доставка сообщений на расстояния большие. Здесь, правда, не стали мудрствовать лукаво и систему ям, копию монгольской, со свежими лошадями да возможностью дух перевести гонцу хоть бы и в течение часа ввели, расставив их рядом со сполохами. А между ними – столбы путевые[27], чтобы пусть и метель, а с дороги не сбиться. В общем, не до перспектив князю было; с текущими бы требами разобраться. А раз так, то и ему, Николаю Сергеевичу Булыцкому, не время.

Дома ждала уже верная Алена. Приветливая, ласковая – и чего, спрашивается, мегерой такой раньше была, – усадила хозяина за стол, накормила, а потом, убедившись, что супруг доволен, удалилась в женскую половину и, устроившись за привычным своим занятием, затянула красивую песню. К ней присоединились Матрена да перебравшаяся в людскую Осташка, и вскоре Булыцкий, расслабившийся после сегодняшнего дня, полусидел, полулежал на лавке, радуясь тому, что еще одну новинку внедрить удалось: прялку с ножным приводом, для простоты обозванную прядильным станком. А ведь и тут поначалу не слава все Богу было. Поперву, вон, чуть ли не дьявольской игрушкой окрестили очередную диковину. Тот же Милован порубить в щепки грозился! Но ничего, пообвыклись. И лихой бывший, и Матрена

[26] В реальной истории этот период перечисленными городами правили местные князья или, как это было в Пскове, лояльные московскому князю правители, или же, как в случае с Рязанью, сохранялись весьма напряженные отношения; князь Дмитрий Донской жестоко отомстил Олегу Ивановичу за то, что тот не попытался остановить Тохтамыша. Нынешнее описание базируется на событиях второй книги («Тайны митрополита»), где Тохтамыш терпит поражение под Москвой и вместе с Дмитрием Донским идет походом на вышеперечисленные земли.

[27] В оригинальной истории система верстовых столбов начала формироваться только в XVII веке.

покорная. Да так, что уже совсем скоро признали: намного ловчее с таким работать, чем по старинке с веретеном обращаться.

А Аленка ох как невзлюбила станок этот сначала-то: мол, есть от брата старшего! Грех, мол, менять! Да отошла уже скоро. Увидала, что девка дворовая ловко управляется с невидалью, да насколько быстрее получается все, так и сама осваиваться с новинкой начала. А Булыцкому поперву-то радость: мол, знай наших! А потом – боль головная; шерсть, которая на зиму планировалась, уходить начала такими темпами, что и не чаял пенсионер о том, что хоть и на пару месяцев ее достаточно будет! А тут еще и Осташка начала поглядывать на девушек! Ей-то, бедолаге, с веретеном, как прежде, обращаться пришлось[28]. Ругнувшись про то, что, кроме него, никто такие ладить и не умеет, да рукава засучив, намылился трудовик еще один станок собрать. А тут и про Леля вспомнил – того, что по дереву мастеровым назвался. И раз пока ему дел особенно и не было, то решил старика пришелец обучать. Ну, в самом деле, кого еще? Ждан – тот, в разумении пожилого человека, агрономом должен был стать, взяв на себя все заботы, связанные с возделыванием земель, селекцией да людишек обучением. Никодим – тот дел кирпичных мастер да гончар всем гончарам. Милован – дружинник. А Лель, так выходило, главным по обработке дерева автоматически назначался. Жаль только, что стар уже совсем, хоть и смекалист. Ну да и ладно. И ему в подспорье ученики найдутся. В общем, каждому из товарищей Булыцкого отводилась роль этакого руководителя проекта. Человека, погруженного на все сто в какую-то одну тематику, а оттого и глубокого специалиста, который, освоив все тонкости да разгрузив Николая Сергеевича, за собой люд поведет да дальше ремесла развивать будет.

А еще, памятуя свою молодость, твердо трудовик решил сосредоточить стратегические отрасли промышленности в руках верховного правителя, независимым артелям оставив сервис да мелкие вспомогательные производства. С этим-то по большому счету и было связано и то, что Булыцкий так ратовал за внедрение системы учета, артели фактически передал в княжье управление и настоял, чтобы люди лишь надежные да самые верные отправились в княжества соседние производства налаживать. Ведь, в его понимании, либо в тайне глубокой необходимо держать секреты, самым верным лишь доверяя, либо до тонкостей все изучить, чтобы в случае чего турнуть можно было какую-нибудь артель независимую, цены обронив. Вот оттого и бучу поднял. Ну и Аленке как-то рассказал про то, а она в ответ лишь рассмеялась. Чего, мол, тетешкаться? Головы с плеч или глаза повыкалывать, и нет неугодных артельщиков. А из своих кто если проболтается, так и языки повыдергивать. Вот беда-то!

И слова эти разом успокоили Николая Сергеевича. И вправду, чего всполошился? А раз так, то и печаль какая? И система эта действительно никуда нынче не годится. Лет, может, через двести, а то и все триста. А сейчас – пустое. Нехай книги амбарные остаются.

Засучив рукава, мужчины принялись за изготовление ножной прялки. Детально объясняя, что к чему, трудовик, по сути, заставил Леля самостоятельно собрать инструмент. Первый, понятно, ни к черту вышел: и внешне неуклюж, и в работе заклинило колесо сразу практически. Старик, понятное дело, огорчился, да только трудовик поспешил его успокоить: «Сам, мол, с незнамо какой попытки сладил! А у тебя, вон, с первой вышло неплохо. Ты еще и меня поучать будешь!»

И ведь не лукавил: новый знакомый ох как смекалист оказался! И так и сяк покумекав, что-то там подточил, подрезал да подправил и, о чудо: заработала прялка как положено ей! А раз так, то дал Лелю наказ: дюжину еще сладить. Прямо чувствовал; не сегодня-завтра, но пригодятся.

---

[28] Веретено в прялке с ножным приводом было сохранено, только оно фиксировалось горизонтально и приводилось в движение механическим усилием. В прялке старого типа женщина держала веретено одной рукой (на весу), свободной вытягивала нить из кудели, что существенно замедляло процесс.

– А на что сразу собирать? – задумчиво ответил ремесловый. – Оно ведь и место занимает да и спортиться может, пока стоит без дела.

– А ты, если сейчас руку не набьешь, так и завтра уже не вспомнишь, как ему быть должно. – В ответ Лель, задумавшись, замолчал. – Ладь, а я погляжу, – кивнул Николай Сергеевич.

– Подготовить все, – вздрогнув, словно бы внезапно проснувшись, неторопливо ответил его товарищ, – нехай будет, пока нужда не появится. Как появится, – снова задумался тот, прервавшись на такую длинную паузу, что у преподавателя просто не хватило терпения дождаться ее завершения.

– Чего «как появится»-то? – нетерпеливо окликнул он вновь ушедшего в астрал старика. – Чего заснул опять?!

– Вернее, когда по частям храниться будет, – снова вздрогнул тот. – Оно и места меньше займет, и без маеты.

– Какая маета? – поразился пенсионер, про себя отметив правоту старика. Места-то займут прялки будь здоров!

– Мне что за беда? – проворчал он, отвечая на вопрос пришельца. – Я за харч дело свое делаю, а тебе куда девать их?

– Ну, тебе видней, – сдался преподаватель, соглашаясь с точкой зрения мастера. Нехай поступает, как считает верным, а трудовик пока на новой своей задумке сосредоточится: производство фанеры.

Ведь уже готовы были чертежи «точилки», по которым Отяба, засучив рукава, принялся выковывать замысловатые деталюхи, не особенно-то интересуясь их назначением.

Три недели маеты, и убогие механизмы да резак каленый – готовы. Раз двадцать доделывать да подгонять, правда, пришлось их, но собралось все в систему несложную, и – вуаля! Первая в мире точилка гигантских размеров готова.

Вот только уж больно процесс трудоемкий получился. Резец хоть и каленый, а все равно тупился. Да и сама схема подачи бревен вызывала много вопросов. И понятно стало, что сама конструкция «точилки» – как назвал ее Николай Сергеевич – сложна, а потому и слишком ненадежна, и места сопряжений и максимальных нагрузок, разбалтываясь, быстро в негодность приходили.

– Ты, Никола, вот чего, – понаблюдав за мучениями артели, негромко промолвил Лель, по обыкновению своему опять замолчав. Пенсионер, уже как-то пообвыкшись с манерой общения товарища, даже и не пытался торопить или форсировать, знал: бесполезно. А потому терпеливо приготовился ждать, что еще порекомендует старик. Понравилась ему незаурядная смекалка мастерового да способность подмечать такие вещи, которые от его, Булыцкого, взгляда уже как-то и укрывались. – Не нож надобно, чтобы ходил. Бревно надо проворачивать.

– Как так? – Преподаватель сразу поймал мысль Леля, но на всякий случай решил переспросить. Мало ли. Впрочем, тот, по обыкновению своему, с ответом не торопился. – Как проворачивать-то? – не выдержав, пришелец повторил свой вопрос.

– Протесать с оконечности противоположной трошки да жердь упором прогнать, – просто отвечал тот.

– Ух, смышлен, – не дожидаясь традиционной паузы, восхитился трудовик. – И чего, руки толковые свои приложить не мог? Чего бродяжничал-то?

– И народу столько же, – словно бы и не услышав, продолжал старик. – Один – наваливается, двое бревно ворочают, – Лель снова погрузился в размышления.

– Ладно, – кивнул Николай Сергеевич. – По-твоему быть.

– А того, что не нужны в артелях умные зело. Покорные да ловкие надобны бы, – как ни в чем не бывало продолжал бродяга. Булыцкий настороженно посмотрел на него, однако же говорить ничего не стал. Себе дороже.

Уже через неделю наловчились доходяги, по улицам собранные, березовый шпон нарезать длинными-длинными лентами, за которые, как следует их высушив, и принялся трудовик, попутно объясняя неразговорчивому своему помощнику все, что знал о производстве фанеры, включая и момент влажного прессования. А раз так, то решили в будущие же дни и пробовать хоть пару листов прессоваться ставить.

Чтобы минимизировать количество перемещений, эксперимент было решено провести прямо в бараке артели по производству плинфы. Там тебе и тепло, и кирпич для прессования. Разложив стружки на постеленной на ровной поверхности рогоже так, чтобы получился один сплошной слой более или менее прямоугольной формы, пролили его сверху предварительно прогретой смолой. И тут же, не загустела пока масса, принялись раскладывать следующий.

– Не так, – как обычно, подумав, остановился Лель. – Стружку в чан ссыпай. Там нехай пропитывается.

– Прав, – тяжело выдохнул Булыцкий. – Давай так.

Прервавшись минут на десять, так чтобы плавающие в горячей смоле стружки как следует отмокли, принялись вылавливать шпон, да тут – другая беда; отяжелев, начали они ломаться.

– У, зараза! – смахивая со лба пот, выругался Николай Сергеевич.

– Незадача, – поморщив лоб, согласился Лель. – Сухими, стало быть, кружевами, – почему-то именно так он назвал лущеный шпон, – надобно.

Матернувшись, снова принялись за дело; благо не все в котел ухнули. С десяток обильно промазанных смолой слоев, сверху устланных рогожками, отяжеленных сбитым из досок листом, на который – несколько рядов глиняных брусочков. Так, чтобы те своим весом выдавливали излишки связующего материала, спрессовывая деревянные полоски.

– Ну, и теперь что? – счистив остатки выступившей смолы, поинтересовался Лель.

– Дня три не замать, потом на пару выдержать и снова – под пресс.

– Хлопотно, – помолчав, рассудительно заключил деревянных дел мастер. – На что возни столько, если лесу вокруг – тьма? Что нужно, так и срубить недолго хоть тебе и стол, а хоть и стулец, – чуть подумав, закончил старик.

Теперь уже Булыцкому пора настала призадуматься. Окрыленный идеей материала на замену древесины, подобно такому, который использовался в древних мирах, он по горячности-то своей как-то совершенно упустил из виду, что те-то жили в условиях дикого дефицита древесины! Здесь же, на Руси, проблема так в принципе не стояла. Лесу – море, и этим все сказано!

– Вот уж нелепица получилась! – Раздосадованно разведя руками, пенсионер вышел прочь из мастерской, оставив собравшегося что-то там спросить Леля одного.

Провалы зачастили. За полтора месяца – уже третий. Обидный до слез и невероятно глупый! Ведь мог бы и с порохом сообразить, и с идеей своей сумасшедшей о системе организации учета, и с фанерой, если бы чуточку подумал. И ведь на фоне громких успехов в области освоения новых технологий – вон, пушки одни чего стоят – эти коллизии выглядели эдакими пощечинами, здорово, надо сказать, приземлявшими размечтавшегося пожилого человека, отбив охотку к новым экспериментам.

А раз так, то все свои силы сконцентрировал он на поиске решения головоломки с порохом да на обучении княжича молодого, которому под неусыпным контролем нового дьякона – Фрола преподавал счет, грамоту, географию и историю древних миров. Тут, кстати, приметил, что наибольший интерес у мальчонки вызывают рассказы о великих полководцах: Ганнибал, Спартак, Вещий Олег, Александр Македонский. То, как они, используя недюжинную смекалку и дерзкие маневры, разбивали превосходящие армии противника. Тут же, под руку – рассказ об известных Булыцкому стратегиях кочевников, в том числе и с лжеотступлениями.

А еще – забавы новые ввел для княжича молодого. Ну, во-первых, из монастыря привезли отроков – тех, что играми в мяч ножной потешали. Пополнив команды теми ребятами, которых с Никодимом заприметили, принялся он уже настоящие футбольные матчи устраивать. Так, что теперь Василий с гиканьем мяч после наук своих гонял наравне со всеми. А тут еще и лидером себя показал настоящим. Игроков в команде своей и так и сяк переставляя, глядя, кто к чему пригож больше, да уже и выдумки какие-то предлагая. Чуть сбив пацанят в четыре команды по одиннадцать человек, перешел Булыцкий к самой своей дерзкой идее: под неусыпным контролем Милована да Тверда к формированию соединений нового типа, наукам военным обученных. Поперву – для забавы Василия Дмитриевича и игровому обучению военному делу будущего правителя. По образу и подобию тех, что при Петре потешными звались, благо дозволение княжье получено было на эксперименты такие.

Сначала – азы: муштра, где мальцы маршировать учились, строй держать да лево с право различать. Потом команды простые понимать да выполнять. И вроде простейшие команды-то: «Нале-ВО!», «На пле-ЧО!», «Кругом МАРШ!», «Шагом МАРШ!», все равно мальцам – труд. А тем, кто видывал учения эти, – диво. Кому смех, а кто, зло сплюнув, хулить начинал: что, мол, за нелепица?! Божьих рабов – через окрики; да слыхано где?! Со смердом не с каждым так!

И змеями слухи по Москве поползли: мол, человек от Диавола – Никола! Сам Антихрист! Вон, окриками своими из мальцов души вытряхивает да в армию непобедимую собирает! А с армией той – весь Свет Божий на колени поставит, а кого не поставит, посулами на свою сторону переманит. И будет князь един, и вера едина, а там – и царствие Антихриста, а через три года – Конец Света с Судом со Страшным! А тут еще и историю с Тимохой припомнили. Мол, до греха довел непокорного.

И Бог ведает, как бы оно там дальше пошло, если бы не князь. Видя азарт княжича к забавам ратным, за советом к Киприану обратился, а тот, отношение свое к пришельцу изменив, молебен провести распорядился, а потом – исповедь и последующее причащение всех, кто с потешниками, – ох и прилипло название это, – возился, самих мальцов включая! Финалом всего – благословение митрополита на дела Великому княжеству Московскому угодные, да у всего честного народа на виду.

А раз так, то и спокойно продолжили учения мальцы. В атаку строем. Плечом к плечу. Или отходить, да ведь тоже не порознь, а так, чтобы по команде, гуртом, щитами простецкими прикрывшись да противника воинов копий ударами жаля. А потом – изюминка, от которой даже бывалые Милован с Твердом переглянулись: боевое построение по типу шведской «Баталии», позже трансформировавшееся в гораздо более компактное и мобильное «каре» из патриотизма трудовиком «детинцем» прозванное.

– Мудрено, – наблюдая за происходящим, одобрительно хмыкнул закаленный в боях Тверд. – Только попусту все это.

– Чего так? – предчувствуя очередную неудачу, поник пришелец.

– А того, что ордынский всадник на детинец твой не полетит, да и не нужно ему то. Такой с малых лет лук в руках держать горазд. Издали бить будет, пока они, что пни, стоять будут.

– Выходит, опять все зазря? Маета, а толку – кукиш. Все – попусту!

– А тут ты не горячись, – Тверд уцелевшей рукой почесал подбородок. – Щиты бы им ладные, да лучников внутрь. Так, чтобы самим всадников сшибать. Вот тогда – дело другое. Мож, и будет толк. А лад, чтобы не вразнобой все, но твоими, – бывший дружинник кивнул в сторону ощетинившегося копьями детинца, вокруг которого, имитируя атаку конницы, бегали крепкие ребята, – строями. Оно иной раз так бывает, что вроде и рать сильна, да потому, что согласия нет, отступает. А у тебя, вон, все ладно, – глядя, как, подчиняясь коротким трелям специального свистка, детинец, разом разъединившись, превращается в длинную цепь, которая, опять же следуя звуковым сигналам, либо кидается в атаку, либо, выставив перед собой имитирующие копья палицы, медленно пятится назад. – Согласие есть, так и уже лад, – задум-

чиво подытожил Тверд. – Да и не татаре единые нам ворогами приходятся, а супротив пеших детинцы твои – лад. А как лучников внутрь, так и татарской коннице – беда.

Следующие, кому было решено показать результат, – Владимир Андреевич да Дмитрий Иванович. Пацанят своих погоняв как следует, Булыцкий решился пригласить на смотр князей.

– А я уже думал, – когда пенсионер предстал перед грозным правителем, усмехнулся Дмитрий Донской, – хоть раз единый от затеи своей отвернешься. Ан нет… Упрям, бестия!

– Ты, князь, не серчай, – пришелец, поклонившись, держал речь перед грозными мужами, – да, мож, чего не так растолковал в прошлый-то раз. Во славу Василия Дмитриевича, да рати русской, да во имя обучения сироток-то собрал окрест. Что самому ведомо, рассказал да обучил. Люд ратный говаривал: дельно получилось. Теперь и вам на суд… Как добрым дело то сочтете, так тому и быть. А нет, так, видать, Богу и угодно.

– Люд ратный, – усмехнулся Владимир Андреевич. – Тверд небось?

– Тверд, – не видя причин отпираться, кивнул трудовик.

– Ладный дружинник он. Зря не скажет. – Владимир Храбрый удовлетворенно кивнул. – Показывай, чего у тебя там.

Со смотром решили не медлить, назначив его на следующий день за стенами крепости прямо за Курятными[29] воротами. С самого утра суетился Николай Сергеевич, места себе не находя; вон для Василия Дмитриевича сегодня день полевых занятий устроил и потешников на пару с ним муштрил. Вернее, наблюдал, как княжич юный, со свистком ловко обращаясь[30], гонял маленькую, но уже грозную армию. А мальцам все то – забава; да и понятно. То для пацанят – все больше игра, потому и отношение соответствующее. И ни запасные жерди, что заместо копий использовались, выставленные в форме вязанок рядом с полем, ни хлипкие щиты, на которые Лель приладил оказавшуюся бесполезной из-за трудоемкости производства фанеру, ни деревянные мечи, в точности копирующие настоящие, не могли изменить это. Забава, и все тут! А вот для князя да брата его – то совсем не шутки! В общем, будь здоров как нервничал Николай Сергеевич. А тут еще, как назло, песня приелась из далекого будущего: «Самарагородок»! И хоть ты тресни, не выгонишь! В общем, маясь, тот и не заметил, как подъехали князья в сопровождении уже знакомого Семена Непролея и еще одного смуглого скуластого мужчины в богатых одеждах.

– Ну, показывай детинцы свои. Нам с братом да боярам новым: Ивану Мирославичу[31] да Семену Гавриловичу, – сквозь почтительно притихшую толпу зевак верхом подъехали князья. – Юнцам оно – потеха, может, и добрая, а чего ладного-то умеют? – бросив взгляд на марширующих пацанов, усмехнулся Дмитрий Донской.

– Спасибо тебе, князь, – склонил голову Николай Сергеевич, собираясь поблагодарить за дозволение на эксперимент, однако правитель нетерпеливо прервал его.

– Так я и не рассудил еще никак. И чего они? – брезгливо поглядев на площадку, поинтересовался правитель. – Так и будут в сече; рядами? – расхохотавшись, Донской с ловкостью, никак не вязавшейся с тучным его сложением, подхватив одну из жердин и стеганув лошаденку, с молодецким посвистом направил боевого коня прямо на ровную цепочку. – Ух, мальцы, сторонись!!!

---

[29] Ныне – Троицкие.

[30] Еще одно новшество пришельца. До Первой мировой войны такая система применялась эпизодически, но лишь в немецкой армии она была принята как единая и стандартная. Эксперимент оказался удачным, и во Второй мировой войне система подач команд свистком использовалась во всех регулярных войсках Третьего рейха.

[31] Иван Мирославич (Салхомир) – отъехавший из Большой Орды в Рязанское княжество и взявший в жены сестру Олега Рязанского. Родоначальник фамилии Вердеревских.

Первым, завидев маневр отца, сориентировался Василий Дмитриевич. Морозный воздух рассекла тревожная трель свистка. В ту же секунду цепочка пришла в движение: через одного мальцы присели на колено, ловко выставляя перед собой игрушечные щиты, на которые выложили направленные в сторону скачущего противника жерди. Оставшиеся, шагнув за спины товарищей, также на вытянутых вперед руках в одну секунду выставили деревяшки.

Не ожидавший такой прыти, Дмитрий Иванович оторопел. Резко осадив всхрапнувшую лошаденку, тот направил ее вдоль ощетинившейся копьями шеренги, планируя зайти в тыл, однако часть бойцов, ловко подняв оружие, пришли в движение, быстро перестраиваясь. Даже с такого расстояния было слышно, как, в досаде выругавшись, Великий князь Московский, понукая косматую степную лошаденку, направил ее прямо на боевой строй, рассчитывая с ходу разнести его к чертовой матери. Пацаны, ранее не сталкивавшиеся с реальной боевой ситуацией, сбились плотнее, буквально прижавшись друг к другу, отчаянно выставив вперед щиты с копьями. Казалось, что они вот-вот разлетятся в стороны, не выдержав колоссального психологического прессинга: вида летящего прямо на них коня, однако – сдюжили. Да, кто-то испуганно заорал, кто-то – даже со сцены было видно – зажмурившись и выставив вперед копье, поспешил отвернуться, лишь бы не видеть момента атаки, а кто-то и вовсе заревел, но строй не рассыпали! Мгновение! Животное, с пронзительным ржанием закусив удила, уже перед самим рядом копий настолько резко изменило направление, что Дмитрий Иванович, на секунду потеряв равновесие, едва не вылетел из седла.

Отъехав на безопасное расстояние, князь, последними словами матеря и яростно стегая несчастное животное, снова ринулся в атаку, выискивая слабые места построения.

– У, шельмецы! – отбросив к чертовой матери жердь, князь, уже размахивая боевым мечом, носился туда-сюда, да так, что у Булыцкого прихватило сердце: «Мальцов бы не порубил!» Впрочем, и те, уже забыв и про свое радостно-беззаботное настроение, и страх первой в их жизни настоящей атаки, сжимая детские свои орудия, стояли, ожидая удобного момента. Нещадно лупцуя взмыленную лошадь, правитель и так и сяк поворачивал ее, пытаясь найти брешь для новой атаки. Только все попусту! Ощетинившись жердями, мальчишки, прижавшись друг к другу, отражали атаку за атакой. Более того! Запертые в центре лучники то и дело доставали князя обмотанными тряпками стрелами, не нанося никаких травм, однако же все больше и больше выбешивая Донского.

– У, шельмы! – взвыв, Дмитрий Иванович буквально слетел с лошади и, яростно работая мечом, принялся рубить деревянные копья, всем своим весом врезаясь в строй укрывшихся хлипкими щитами пацанов.

– Стой, князь!!! – ринулся вперед трудовик. – Стой, тебе говорят!!! – летел он, рассыпаясь в витиеватых матерках.

– Да стой же!!! – на всем скаку обогнав пенсионера, Владимир Андреевич, слетев с лошади, вклиниваясь с тыла в строй пацанья. – Да стой ты, леший!!! – вцепившись в занесенную для страшного удара кисть, повалил он брата на снег.

– Тятька! – бросился на помощь Василий Дмитриевич.

– А ну, пусти! – разгоряченный боем, Великий князь Московский как щенка отбросил в сторону брата и, на ходу замахиваясь кулаком для удара, ринулся прямо на задыхающегося от бега пенсионера! – У, бестия!!! – набрав воздуха в грудь, выпалил тот, тучей нависая над пришельцем. – В поруб! В глухой! Заморю!!! – выдохнул он остатки ярости и, разом обмякнув, согнулся, упираясь тыльными сторонами ладоней в бедра. – Шельма! – глядя в снег, прохрипел он, а затем, подняв голову, неожиданно улыбнулся. – А вообще – удал! Мне бы таких, как ты, еще пару, – тяжко дыша, просипел он, – так и никакой Тимур не страшен! Да подите прочь! – разогнал он подоспевших к учителю стражников. – Николу мне не замайте! – Те, пожав плечами, отошли на пару шагов назад, но в то же время так, чтобы оставаться в зоне досягаемости на случай, если князь вдруг опять изменит свое решение. – Получишь еще мальцов, – отды-

шавшись, продолжал муж. – Я тебе и на харч, и на вооружение, и на обучение денег опричь все остального выделю; с чугунков твоих, слава Богу, барыш нынче славный.

– Да что ты, князь! – замахал руками учитель. – Еще и не обучили толком ничему, а ты уже вооружать.

– Воле княжьей перечить?! В поруб захотел?! – вновь насупился Донской.

– Будь по-твоему, – учитель, не зная, как реагировать на такую перемену, поспешил дать обратную.

– То-то же! – довольно усмехнулся Великий князь Московский. – Все, что опричь надобно будет, с Божьей помощью получишь.

– Ну, так и зваться полкам княжича «Опричниками», – удачно ввернул Николай Сергеевич.

– Опричники, – Дмитрий Иванович ненадолго задумался. – То пока мальцы. Подрастут, так и по домам отправим. А пока за харч нехай потешают мне отрока. Потешники, – повторил он полюбившееся слово. – А ежели Богу угодно будет, так и в рати удаль покажут. А пока – малы. Поучай их, пока воля моя на то.

– Как человек от дел ратных далекий воинов подготовит? Кому такие нужны?

– А потешники твои?! – князь перевел удивленный взгляд с пенсионера на сгрудившихся позади пацанят.

– Так то не я. То – Тверд, да Милован, да Василий Дмитриевич, – улыбнулся в ответ пенсионер.

– Ох, и ладен, – расхохотался в ответ Донской. – Пошли, Никола, да всех с собой бери. Пир княжий.

– Погоди, Дмитрий Иванович, – попросил пенсионер.

– Чего опять? – проворчал правитель.

– Ну-ка, дай, – указав на игрушечный щит, попросил он одного из пацанов.

– Ох и крепок, – уважительно кивнул подошедший Владимир Андреевич. – У Донского рука ох как тяжела, так ведь и выдержал. И легок. Что пушинка, – взвесив треснувший, но не разлетевшийся щит в руках, хмыкнул воин. – Опять диковины твои?

– Похоже, опять, – и так, и сяк вертя его перед глазами, пенсионер сразу понял, что щит этот – не что иное, как скрепленные между собой два листа той самой фанеры, которую пришелец поторопился записать в очередной свой провал.

– Лель делал, – неуверенно пискнул малой.

– Кто такой? – поспешил поинтересоваться князь. – Опять кого-то призрел?

– Мастеровой мой. По дереву.

– Сюда кличьте! – не дожидаясь развития, потребовал Дмитрий Иванович. Заскучавшие было стражники поспешили исполнить приказ, и уже совсем скоро перед князьями предстал ссутуленный старикашка, держащий в руках несколько небольших листов фанеры.

– Кто таков? – нахмурившись, потребовал князь. – Диковину свою показывай!

– Простить прошу, – уткнувшись в снег, затянул тот.

– Сам кто?

– Лель. Из вологодских мы, – неожиданно быстро ответив, погрузился в молчание тот.

– Из вологодских? – зная манеру общения товарища, поспешил поинтересоваться Николай Сергеевич. – А здесь как оказался? Далече ведь? Да и не шибко дружны, чай[32]?

– Молва идет, – помолчав, продолжал старик, – что люд сметливый нужен в Москве.

---

[32] Вологодское княжество окончательно попадает в зависимость от Великого Московского княжества лишь при Иване Третьем. Правда, по завещанию Василия Темного Вологда перешла к его младшему сыну Андрею, но тот правил городом в полном согласии со старшим братом – великим князем Иваном Васильевичем.

– Да отвечай ты, когда вопрошают! – не выдержав, повысил голос Дмитрий Иванович. Вместо ответа тот, отложив в сторону листы, взял в руки один и крепко, насколько позволяла комплекция и возраст, сжал его. – Бей в середку! – скомандовал старик. Хмыкнув, Великий князь Московский саданул жердью прямо в центр тонкого листа. Жалобно хрустнув, тот сложился пополам.

– А щит отчего же, – встряхнув головой, поинтересовался Донской. Вместо ответа Лель взял два листа и, сложив их так, чтобы волокна образцов лежали крест-накрест, снова скомандовал: «Бей!»

– Коли не жалко, – презрительно усмехнулся Великий князь Московский. Удар! Древко, отскочив в сторону, по инерции съехало по деревянной поверхности. – Вот диво-то! – оскалившись, правитель еще раз, как следует замахнувшись, двинул прямо в центр. Удар такой силы получился, что старик, не удержавшись на ногах, повалился в снег. Листы же остались совершенно невредимы[33]. – А ну, возьмите! – кивком указывая на барахтающегося в снегу мастерового, приказал князь. Стражники, тут же подхватив мужика, поставили того на ноги и, взяв листы, накрепко сжили их, готовясь к удару. Ух и замахнулся Дмитрий Иванович! Так, что казалось, в щепки разлетится деревяшка. Ан нет! Выдержала! Руки только, спружинив, стражникам отбила, да и то – не смертельно.

– Погоди, – вдруг встрепенулся Николай Сергеевич. – Так ты, получается, втихомолку ладил?! Я же говаривал: бросить занятие это!

– Что, – усмехнулся князь, услышав последнюю фразу, – не любо, когда кто-то по своей воле дела творит, а?!

– Так чего скажешь, а?! – повторил вопрос трудовик.

– То и скажу, – насупившись в ответ, пробубнил старик, – что ты, Никола, говаривал, нелепица получается.

– Так почему ослушался?! Почто не бросил?!

– Ты, Никола, говаривал, что нелепица получается, – упрямо повторил Лель. – Бросить чтобы дело это, не было уговору, – помолчав, добавил он.

– А?! – задорно расхохотался князь.

– Тьфу на тебя! – выругался в ответ пришелец. – И ведь правда: не было уговору бросать! А листы сложить кто надоумил? – Лель молчал, по обыкновению своему, что-то там обдумывая.

– Отвечай! Или ты на язык так же валок, как и на дела спор? – подался вперед Владимир Андреевич.

– Вон, – кивнул старик на притихших пацанов. – Им совсем негожие листы отдали; все одно – пустое.

– Ну, Никола, – усмехнулся князь. – Все у тебя как по маслу, даже без тебя самого! Так, глядишь, и серу придумаешь как делать!

– Они и догадались. Как? Богу одному и ведомо, – закончил наконец мастеровой.

– Погоди, погоди, – снова взвился Николай Сергеевич. – А как на мокрую доску прессовали-то?!

– Ты вот чего, Никола, – не желая больше слушать этот странный спор, задумчиво прогудел Дмитрий Иванович. – Люд собирай да диковины делать обучай. Тверд тебе в помощь, да харч казенный. Бери-бери! – усмехнувшись, глядя на замахавшего руками пенсионера, подбодрил Донской. – На свои небось кормишь-то?!

---

[33] Свойства сложенных крест-накрест листов фанеры были хорошо известны еще в Древнем Риме. Так, римские легионеры были вооружены щитами, выполненными из данного материала, и, несмотря на легкость, надежно защищали от вражеских стрел и мечей.

– Ну, на свои ежели так, и что? – тот лишь пожал плечами. – В одной лодке плывем; дело единое творим. А ты меня отблагодарил так, что хоть теперь до смерти жить припеваючи.

– А род как? – нахмурившись, отвечал муж. – Вам с Аленкой еще мальцов растить!

– Твоя правда, – отвечал трудовик.

– То-то же! – и, обращаясь к сопровождавшим, добавил: – Харчем отныне обеспечивать все артели Николины. А ему, – кивком указал он на притихшего пенсионера, – пять рублей серебром. Хотя, восемь, – тут же передумал муж, – все ведь одно на диковины свои потратит! А теперь – в палаты княжьи, да после Никола в мяч ножной потеху устроить обещал. И стрельбы! Из орудий, – насупившись, напрягся вдруг Дмитрий Иванович. – Когда?

– Да Бог с тобой, Дмитрий Иванович! Не все разом-то! Дай хоть бы и пяток дней на стрельб подготовку да пороху пуд; пристреляться бы.

– Так ведь по ночам, – неожиданно проснулся Лель. – Пока все спали, над котлом-то общим паром морили. И обратно – под плинфу, – помолчав, закончил ремесленник. – Не было уговору, чтобы бросать. Не серчай почем зря, – под дружный хохот упрямо повторил мужик.

– Черт с тобой! – держась за живот, резюмировал Великий князь Московский. – Пять тебе дней на стрельб подготовку. Четверть пуда получишь! Не укупишься ведь с тобою.

– Помилуй, Дмитрий Иванович! – взмолился в ответ Булыцкий. – Мало ведь будет! Хоть полпуда дай!

– Денег откуда взять?

– Так ведь чугунки… – пользуясь благодушным настроением собеседника, продолжал торговаться учитель. – Вон, с них одних серебра сколько пришло?

– А ну и сколько? – враз посерьезнел правитель. – А ну, Гордейку в хоромы кликните! Нехай и скажет, сколько.

– Дозволь, князь, слово молвить, – рядом с правителем вырос невысокого роста коренастый бородач.

– Говори давай, Дмитрий Михайлович[34], – сквозь смех отвечал тот.

– Дозволь науку эту для сотни хотя бы испробовать. Чудно ведь, да и толк есть. В сече, сдается, дельной будет.

– Вот и испробуй, – в знак согласия кивнул правитель. – А там и решим: дело или нет.

[34] Дмитрий Михайлович Боброк-Волынец – безудельный князь, боярин и воевода великого князя Дмитрия Донского.

Глава 3

Впервые, наверное, со времени попадания в прошлое Булыцкий почувствовал себя как дома. Здесь, на импровизированной трибуне, наблюдая за первой в истории человечества футбольной баталией двух подготовленных им же команд во главе с Василием Дмитриевичем, с одной стороны, и сыном кузнеца Гойко[35] – с другой.

Ладные ребятки. Горластые, сообразительные, амбициозные. Гойку, вон, Николай Сергеевич поперву старшим в артель по производству валенок готовил, да приметил, что тот и здоровьем задался, и смекалкой. А главное – все ему мало. Нового только и успевай подавать; и ведь все как орешки щелкает! Освоил технологию производства валенок да других обучил и расставил – так и скучно ему сделалось. Николай Сергеевич чутьем преподавательским выбрал его да решил парня во всех делах попробовать. И в литье, и в производствах диковин, наблюдая: а к чему же пристроить лучше. Впрочем, тот, новые дела осваивая, и старых не бросал, везде поспевая. Вот как дал князь добро на организацию потешных команд, так и сразу позвал Булыцкий паренька. А что, мол, выйдет из затеи той?

И ведь неплохо получилось-то! Княжич, рассказы про военачальников великих слушая, все старательно запоминал, а запоминая – и выводы делал. А сделав, в играх начал комбинации какие-то придумывать, и так и эдак пацанву расставляя. А кому с ним тягаться? А некому, как оказалось. Вот Гойке и поручил, команду доверив.

Тут долго, правда, не ладилось. Княжий сын все-таки. Как против него переть? Ух, сколько времени потратил трудовик, увещевая: «Игра то! Просто игра! Как… Как вон лапта! Ты, с княжичем если в лапту схлестнуться доведется, тоже в поддавки пойдешь?!» Гойко отрицательно мотнул головой.

– Ну так и ножной мяч; в чем разница?!

– Ну, то лапта, а то – мяч ножной, – озадаченно отвечал парень.

Поняв, что в лоб здесь не взять, Булыцкий по-другому пошел: просто начал учить премудростям игры да матчи устраивать, следя, чтобы и Васька, и Гойко обязательно в разных командах оказывались. Один раз, другой, третий. Входя во вкус и помаленьку вникая в правила, начал сын кузнеца осторожно народ переставлять, за игрой противника наблюдая. Оно ведь и самому потеха, и Ваське – интерес. Княжичу-то быстро наскучило голы клепать, противника беспомощного команду в пух и прах разбивая. А тут – на тебе: азарт просыпаться начал, как только с игроком достойным столкнулся. А с азартом и забывать пацанва стала про титулы-то. Ух, схватки тут начались!!!

Так, сперва на поле футбольном, затем – за партой начали собираться огонь-ребята, которых, под присмотром священнослужителя, обучал пенсионер наукам. Результат? Князя великого Московского гуртом спешили – раз! Вместе с будущим Великим князем Московским люди росли, способные воспринимать и развивать появившиеся стараниями Булыцкого технологии – два! Новый род регулярных войск создали – три! А еще – стараниями преподавателя земли Дмитрия Ивановича не иначе как Русь Великая звать стали, пусть бы и земель пока тех и малость самая! Но, как рассудил учитель, пускай с юношества привыкают да отчизной своей гордятся. В общем, и Булыцкому, чувством патриотизма переполненному, – радость и Дмитрию Донскому – отрада.

И вот теперь, сидя на стульце, облаченный в добротный тулуп зимний да в валенки ладные обутый, Николай Сергеевич с азартом наблюдал за игрой. Мяч, правда, не прыгучий совсем, ну да ребятне даже и такой – за радость. Вон, как гоняли задорно!

---

[35] См. книгу вторую: «Тайны митрополита».

Устроившись поудобней, представил Николай Сергеевич себе, что он – дома, на кухне, в своем любимом кресле телек смотрит. И хорошо ему так стало! Разве чего и не хватало, так это кружки горячего крепкого чаю с травами. Терпкого и забористого! Ох, как стосковался пенсионер по напитку этому! И пусть взвары, которые сейчас пил учитель, были, конечно, полезней, да и во многом вкусней, а все равно: нет-нет, да просила душа чайку! Чтобы аж зубы сводило! Впрочем, то уже мелочи, и без которых можно было насладиться матчем, тем более что незадолго до этого послушал он отчет Гордейки, рассказавшего, что только в соседние княжества сторговали чугунков на неполных двести рублей! И при том, что на Восток еще и не отправлялись купцы! А раз так, то еще подарок: с легкой руки Великого князя Московского, довольного отчетом ключника, получил он полпуда пороха для пушкарей обучения.

Пацанва, о чем-то там своем перекрикиваясь, под восторженный рев собравшейся вокруг толпы гоняла по полю, тщетно пытаясь поразить ворота друг друга туго набитым тряпьем и сверху надежно обмотанным веревками тюфяком. С колокольни, отслеживая по движению солнца время, бесновался, болея за команду Гойки, Слободан. Даже князья, и те, поддавшись настроению, вовсю орали, подбадривая команду Василия Дмитриевича. Вот только закончилось все это не очень здорово. Уже перед самым ударом била, извещавшего о том, что время истекло, Гойко, ловко обыграв замешкавшегося защитника, точным ударом отправил мяч в «девятку». Ох и посерел князь, поняв, что команда отрока его проиграла. Ладно еще, Булыцкий вовремя увидал смену настроения правителя, да вклиниться поспешил.

– Дмитрий Иванович, игра это! Забава! Ты, князь, напрасно осерчал так!

– А не твоего ума забота, – бросил в ответ тот.

– Как не моего?! – поспешил встрять пенсионер, нутром своим почувствовав, что дело принимает опасный оборот. – Забаву ту я принес, и забота, стало быть, – моя. Ты, если осерчал за что, так и мне поперву предъяви!

– Что, Никола, лукавишь опять?! – с трудом сдерживая гнев, прошипел Донской.

– Да Бог с тобой, Дмитрий Иванович! – горячо перекрестился пожилой человек. – Вот он я, как есть перед тобой! Хоть раз обманул тебя?! Единожды хоть душою покривил?!

– Твоя радость, что нет!

– А чего недобр так? То, что Василия команду одолели, маешься?! Так и делов-то?! Сегодня…

– Я того пекусь, – грубо перебил его правитель, – что княжьего сына ремесловый без роду и племени обставил!

– А ты, князь, видать, хотел, чтобы только именем твоим победы доставались, а? – поняв, в чем дело, забыл про чин, вспылил преподаватель. – Вон, Мамая оно не испугало! В бой повел армию против твоей, хоть и не чингизид и ни Тохтамышу, ни, тем паче, тебе – не ровня! И не твоя ежели бы смекалка ратная, да отвага удалая, да не полк засадный, кто знает, как бы оно там сложилось!

И то, что Васька сейчас проиграл, то и ему наука на будущее: что не так сделал, да где чего попеременить в грядущих баталиях, смекать начнет! А простолюдин обставил, так я ли виноват?! Боярские отроки ни учиться не хотят, ни в полки?! Ко мне кто пришел, так и слава Богу! То, что ты отрока своего отдал, так и поклон тебе за то земной! – угомонившись, пенсионер в ноги поклонился правителю.

– А место свое не забыл, а?! – просипел в ответ Дмитрий Иванович. – Ты, кажись, тоже из безродных, чтобы на великого князя голос повышать!

– Да с пор недавних самому князю Московскому родственником прихожусь, – оскалился в ответ Николай Сергеевич. – По его же собственному наказу. Или забыл?!

– Да не запамятовал пока! А воля княжья сегодня одна, а завтра переиначиться может! Или не веришь?!

– Верю. Отчего же, – понимая, что снова погорячился, Булыцкий начал сбавлять обороты. – Только ты сам посуди, если с сызмальства приучать пацаненка к тому, что перед ним – все ниц без боя… А если Тохтамыш придет или хуже – Тимур? Я же за то пекусь, чтобы как лучше!

– Как князь скажет, так и лучше! – отрезал Дмитрий Иванович, разворачиваясь спиной и тем самым показывая: разговор окончен. – Васька! Васька, сюда поди! – окликнул он княжича. – Васька, где ты есть?! – гневно прикрикнул князь, однако, увидав отрока, что-то оживленно обсуждающего с Гойко, так же быстро успокоился. Ребята уже вовсю рисовали что-то на снегу, активно разбирая ход игры. Со всех сторон их уже облепили шумные футболисты. Активно жестикулируя, они настолько углубились в разбор, что и не услышали зова Дмитрия Ивановича.

– Вот видишь, князь, – почувствовав удобный момент, снова встрял Булыцкий. – Проиграл, так и то – наука. Ладно Гойке, а не Тохтамышу! Тот вон тоже не по годам смышлен. Все подметит, все приметит, да потом еще и пояснит! Сегодня так, а завтра, глядишь, и княжич одолеет.

– Ох, и лукав! – без сил развел руками Дмитрий Иванович. – Ох, и бестия самовольная!

– Покорным будь, кто знает, как бы оно там все обернулось, – поняв, что беда миновала, успокоился пришелец.

– Десять дней, и еще одна игра! – обрубил Донской. – Боярские, говоришь, не идут? Пришлю.

– Добро, князь, – склонился в ответ пенсионер и, выпрямившись, продолжил: – Прости, что поучать берусь, да я потому и в полки набираю безродных, что ратую за толк с людины. Хоть бы и род за спиной велик, а сам по себе дадон, то и толку? А как смышлен, ты ему хоть и ремесла поручи, а хоть и дружину. Сдюжит ведь да Руси во славу дела творить начнет.

– Лепо глаголишь, – ухмыльнулся князь. – Да только дела твои не всегда со словами сходятся.

– Будет порох. Ведать не ведаю, как да откуда, да все одно чую: будет!

– Так ты, мил человек, чтобы думка веселее шла, в порубе посиди денек-другой. Глядишь, что удумаешь, а? – оскалился князь, видимо, все еще держа злобу за проигрыш сына.

– Не мое про порох обещание было, но твоя воля, – выдохнул Николай Сергеевич. – А живот мой – в твоих руках.

– Твоя правда, – кивком подзывая скучающих рядом стражников, Донской коротко распорядился: – В поруб! Тулуп дайте, а то, неровен час, околеет прежде, чем пороху даст.

– Благодарю тебя, князь, – склонил голову Булыцкий.

Второй раз оказался пенсионер в земляном мешке, и не сказать, что это ему нравилось. И если первый раз – по дури собственной, да еще и хмелем подгоняемый, то теперь буквально на ровном месте. Ратуя за новинки, он вдруг оказался в капкане. Неспособный дать такой необходимый сейчас порох, он, сам того не желая, попал в немилость к Великому князю Московскому. И что самое паршивое, как выкрутиться – ведать не ведал Николай Сергеевич. Ну, не химик он! Не химик! Хотя князя это беспокоило меньше всего на свете.

Оказавшись один, он, чтобы скоротать время, принялся так и сяк прикидывать, как же ту головоломку разрешить. Хотя толку, конечно, было мало… Ведь если и были какие-то знания, то все равно они были на уровне обрывков из книги Жюля Верна да каких-то там случайных всплесков о том, что смесь сухой деревянной пыли и воздуха – смесь ох какая небезопасная! Вроде даже на каких-то там деревообрабатывающих комбинатах от этой пыли то ли пожары, то ли взрывы. А может, и не так все.

Тут еще и сон вспомнился – тот самый, где Сергий Радонежский что-то там про волю княжью рассказывал. Мол, исполнится, как четверых Иуд пути пересекутся. А кто таковые Иуды те, да откуда возьмутся, да что за воля, ну хоть убей – вспомнить не мог! А может, и сон

тот – так, очередная муть воспаленного воображения. Может, и не было ничего, а он сам себя накрутил на ровном-то месте… Кутаясь все сильнее в тулуп, Булыцкий задремал.

– Никола! Никола! – привел его в чувства чей-то голос.

– А? – вздрогнул тот, мгновенно просыпаясь.

– Жив, соколик. Цел, милый. – Учитель тут же узнал голос Алены. Неведомо какими правдами и неправдами, она сумела пробиться к порубу и теперь, сдерживая душившие ее рыдания, звала супруга.

– Аленка! – Пенсионер попытался подскочить на ноги, но тут же со стоном повалился на холодный пол; затекшие от неудобного положения ноги отказались слушаться.

– Что с тобой, милый?!

– Затек весь, – проворчал тот, теперь уже медленно поднимаясь на ноги.

– Вишь, цел муженек твой! Князь беречь велел, – вклинился в разговор чей-то грубый голос. – Передавай харч свой да ступай себе с Богом.

– Хоть взглянуть на голубчика дозвольте! – взмолилась женщина.

– Вон, – в свете факела увидав лицо подковылявшего пенсионера, кивнул бородатый детина. – Гляди, да ступай себе. Князь хоть дозволил, да долго не велел.

– Ой, Никола! – едва завидев супруга, женщина едва не бросилась вниз, однако ее вовремя поймал за руку тот самый ратник.

– Не велено! – оскалился тот. – Меня в грех не вводи! Княжью волю исполняю, а что поверх нее, так и не мое дело. Дозволено харч оставить да повидаться, оставляй, а большего, прости, не положено, – смягчившись, закончил мужик.

– Отведай, соколик, – растирая слезы по щекам, верная супруга опустила вниз котомку с теплым изнутри кувшином. – Согрейся. Тверд говорит: недолго тебе здесь маяться. Ну и слава Богу. Без тебя-то и на душе – тоска и в сердце – боль, – сбивчиво, торопливо, словно бы опасаясь чего забыть, тараторила супруга.

– Передала, и ладно, – мягко отстранил ее стражник. – Ступай домой. Ступай, – возвращая назад потревоженные бревна, прокряхтел детина. – Скоро уж муженек твой вернется. Не кручинься почем зря. Сам князь говаривал, что ненадолго это, – продолжал тот утешать страдалицу.

Вздохнув, Николай Сергеевич принялся на ощупь изучать содержимое котомки. Помимо деревянной ложки, кувшина с теплыми боками заботливая Аленка положила в котомку краюху хлеба, пару лучин, кусок бересты и огниво. Чуть помаявшись и подпалив берестяную заготовку, а от нее – лучину, пенсионер принялся за трапезу. Там, отужинав и пригревшись, снова заснул. Впрочем, и в этот раз ему не дали поспать, достаточно бесцеремонно разбудив посреди ночи.

– Ну, Никола, – наверху его уже поджидал Дмитрий Донской, – любо в порубе сидеть?

– Не любо, – ежась от холода, мотнул головой учитель.

– Другой раз уже вольницы такой не будет: женка с харчем, тулуп. Сразумел, о чем я?

– Сразумел, – кивнул пожилой человек.

– Домой его, – развернувшись, князь кивнул стражникам, стерегшим яму. – Нехай отогревается.

Придя домой, Булыцкий без сил упал на лавку и, как был, в одежде разом провалился в сон, очнувшись раз лишь: когда Никодим со Жданом перетаскивали его на заботливо расстеленную Аленкой кровать.

Мягкая перина[36] не умягчила беспокойного сна. Опять, как и по осени, кошмары мучить начали пожилого человека. Туман, волхв, читающий непонятные заклинания, и тень неизвест-

[36] Перина на Руси появилась значительно позже и во многом благодаря усилиям Петра Первого, ратовавшего за европей-

ного, поджидающего пенсионера за каждым углом и за складками длинного не то плаща, не то накидки, не то рясы прячущего отточенный до блеска нож. И как ты ни бейся, и куда ты ни беги – все равно не спрятаться от него было. Всю ночь ворочался, а наутро, как очнулся, так совсем себя разбитым почувствовал. Настолько, что и подняться не смог, а так и остался лежать, то и дело проваливаясь в тяжкое забытье.

– Поднимайся, Никола, – подсела рядышком Аленка. – Я баньку с утра стопить наказала; как раз самый жар. Ступай, смой с себя сор да усталость. Я отваров наготовила из тех, что от Евпраксии[37] остались; хвори разом отпустят. Ступай, – мягко улыбнулась она мужу. – И я скоро подойду.

С трудом поднявшись и вяло переставляя ноги, Булыцкий поплелся к небольшому срубу, стоявшему рядом с домом. Баня. Русская. Гордость Николая Сергеевича, отказавшегося от посещения общественной посадской, а повелевшего отдельную срубить на своей земле рядышком с домом. Так, чтобы после мытья сразу же в тепло родных стен! Поухмылялись тогда над ним, да попусту. Потом же и на поклон приходить начали вчерашние высмеятели: мол, Николай Сергеевич, дозвольте попариться? Пускал, конечно. Жалко, что ли? Да и сам время от времени присоединялся. Оно и веничками грязь с усталостью выбить – дело доброе. Особенно если кто на себя растопку возьмет. Ну и послушать, о чем люд гутарит да как живет. Опять же самолюбие потешить; ведь обратил внимание трудовик, что мужики-то бельишко исподнее-то приняли, найдя, похоже, ладным его.

Вот и теперь, едва только пригревшись, расслабился, как дверка раздевальни приоткрылась, и внутрь скользнула Аленка. Ловко обогнув пышущий жаром очаг[38], она присела на мостки.

– Не кручинься, – припав к плечу мужа, прошептала она. – Печаль – грех великий, хворями караемый. Все, что делается, то и слава Богу. Хвалу воздай да как щепь плыви себе по течению, – прошептав это, женщина резко поднялась на ноги и, зачерпнув из одной из трех заготовленных заранее бадеек, щедро полила докрасна раскаленные камни.

Ух, как пар взвился! Секунда, и вот он уже плотным жарким одеялом расстелился по телу пожилого человека. В нос ударил густой запах разнотравья, среди которых пришелец разом признал терпкую полынь и вязкий хмель.

– Ты, Никола, – Алена опустилась на колени рядом с мужем и, вымочив в том же отваре лубяной пучок, принялась поливать спину супруга, – дел ладных множество несчетное сотворил, а еще боле грезишь. А ведь и десятину не всякому сдюжить дано из того, что ты уже сладил. А ты все бежишь и бежишь, – мягкими движениями массируя спину и плечи мужчины, продолжала она. – Так и не приметишь много. – Липовый лубок скользил по коже, расслабляя мышцы. – Ты не серчай, да муж, хоть и голова, да все одно без женки рядом – что холм в поле чистом: могуч, широк, но одинок. Как женка рядом, так и лад приходит. Вон, кто из мужей поумнее, так те и к женщинам своим прислушиваются, хотя бы и не на людях. Кто поглупее, так те и Бога не побоявшись, рукоприкладством грешат. У купцов знатных да бояр грозных, а паче у князей великих вон жены в уважении да почете. А как у смердов, так и – беда, – негромко продолжала она.

– Ты все к чему это? – снизу вверх поглядев на женщину, простонал трудовик.

– А к тому, – оскалилась в какой-то неестественно-колдовской улыбке, ответила та, – что женили тебя тож не просто так! Князю секрет тот ведом, как и то, на что ему ты. Под

ский уклад жизни. Здесь – очередная новинка от пришельца из грядущего.

[37] Евпраксия – внучка киевского князя Владимира Мономаха, увлекавшаяся народной медициной, в том числе и изучением целебных свойств русской бани. Собирала различные целебные травы, на основе которых готовила лечебные отвары.

[38] Имеется в виду баня по-черному, в которой вместо каменки использовался открытый очаг. Такая баня натапливалась достаточно долго.

крылом Руси Московской объединить земли соседние да правителем единоличным стать, за родом своим власть навеки закрепив.

– А я при чем здесь? А ты?

– Да при том, что твоими словами мечты князя о единовластии в дела сотворяться начали. Твоими заботами – и орудия, и науки, стращать строптивых. Так, плода сладкого вкусив, уж и остановиться – беда. Еще Дмитрию Ивановичу надобно. А удачи мужьи то ведь и жены доброй заслуга; муж, он что малец. Холить, лелеять и баловать надобно бы. А без того всего – тьфу – человечишко пропащий.

– Ох и умна же ты, колдовка, – вдохнув чуть глубже насыщенного раскаленным паром воздуха, пожилой человек закашлялся.

– Мужа стезя – подвиги великие вершить, жены – огонь в мужике своем поддерживать да на свершения великие сподвигать.

– Откуда же мудрость твоя, Аленка? – потянув руку к упругой женкиной груди, выдохнул Николай Сергеевич. Вместо ответа женщина поднялась на ноги, и, взяв в руки веник, словно опахалом, начала обмахивать им учителя, нагоняя жар.

– Не торопись, Никола, успеется, – улыбнулась в ответ та. – Ты сейчас слушай, что говорят тебе, да запоминай. А паче благодари, что есть кому теперь за тобой приглядывать да от сумасбродства твоего же оберегать. Ты, муж мой, – резко распластав тяжелый веник по спине прогнувшегося мужчины, продолжала та, – яхонт добрый. Так, и камень драгоценный в руках одного мастера погибнет, а у другого – еще дороже станет. Князю же самые бесценные камни надобны бы.

Растерявшийся от такого, Булыцкий ничего не отвечал, лишь, то и дело теряя чувство реальности, наблюдал за действиями супруги, порою даже сомневаясь: а обычная ли она женщина вообще или ведьма какая, вещи непростые глаголящая. И настолько все это необычно было, что ни холод даже отрезвляющий снега, в который падал Николай Сергеевич между лупцеваниями вениками, ни кваса бодрящего свежесть не могли вернуть ощущение реальности. Хотя, казалось бы, – баня простая.

Уже закончив и в дом войдя, тяжко повалился на скамью. Тут же, словно по волшебству, перед ним возникли чаши с душистым липовым отваром да с медом, а за стол, прямо напротив мужа, села раскрасневшаяся и посвежевшая Алена.

– Откуда мудрости столько-то? – осторожно отхлебнув из керамического блюдца[39] душистого напитка, поинтересовался Николай Сергеевич. – Как посмотреть, так и молодуха, – в ответ девушка скромно потупилась, – как послушать, так… – запнулся он, не зная, как бы четче мысль сформулировать, – так и женщина, век прожившая да всего повидавшая.

– Какая мудрость, Никола? – кротко поинтересовалась та. – Не до разговоров-то и было. На тебя, супруг мой, поглядеть, так и муж седой… А как до дел, так и богатырь.

– Чего? – Пенсионер удивленно отставил блюдце в сторону.

– Затяжелела я, – скромно улыбнувшись, отвечала Алена. – Малая у нас будет… Или малой.

– Во дела, – только и смог ответить Николай Сергеевич.

После разговора этого крепко задумался пришелец. Ведь уже не впервые ловил он себя на таких вот провалах. И если часть из них он еще хоть как-то мог списать на нездоровье, горячку и жар, то сегодняшнее происшествие совершенно выбивалось за данные рамки. Ну, разве устал больше обычного. Но ведь здоров! Настолько, что уже после обеда он, чуть отлежавшись, умахнул на доменную печь, поглядеть, как успехи с литьем.

Беда, конечно, с ядрами этими получалась! Как сообразил, что князь мусором всяким стволы заряжает, так и взвился. На кой пушки мощные, если как ни попадя пользоваться ими?!

---

[39] Очередное нововведение. В Московском княжестве в то время не использовались.

Ядрами из таких палить, да и только. А лучше – снарядами! Тогда лишь и дальность будет, и точность! А иначе – ну беда ж!

– Что за ядра такие? – полюбопытствовал князь.

– Шары литые. По размеру дула.

– Чего? Литые, говоришь?!

– А как иначе? – тут уже пора Николаю Сергеевичу удивляться пришла.

– Ох, и дорого твое орудие получается-то, – вскипел Дмитрий Иванович. – Мало того что сами – бронзовые, так тебе еще и ядра!

– А как иначе-то?!

– Вон, у тебя артель целая литьем чугунным мается! Их и заставь!

– И то верно, – разом согласился пришелец. – Не подумал о том. Благодарю тебя, князь.

– Не благодари, а ядра свои дай лучше!

Так и порешили. Покинув княжьи хоромы, пожилой человек крепко призадумался. Не знакомый с технологией литья таких вещей, начал он варианты перебирать, один другого фантастичней придумывать. И в воду холодную порции чугуна выливать, уповая на то, что он сам как-то там форму примет нужную, и ложку выковать полукруглую, чтобы ею материал зачерпывать да остужать, а потом эти полусферы как-то там и объединять. И ведь ходил, сам себе на уме, пока женка-то, состоянием его вечно смурным озабоченная, не поинтересовалась. Чего, мол, мрачнее тучи ходишь? Нехотя, но поведал Николай Сергеевич о беде своей.

– Так, а в формы если залить? Вон, как и пищалки твои, – Аленка лишь удивленно пожала плечами.

– Так потом бить формы эти?

– Ну и побьешь. Глина ведь. Вон, что сору ее.

– А ведь и права ты, – согласился мужчина, в очередной раз отмечая сметливость супруги своей. – И прок, и польза; и мастеровые не попусту чугун лить будут, да и чего нового, может, удумают. Ох, и мудра, – в очередной раз восхитился пришелец из грядущего.

– А чего мудрого-то? – удивилась в ответ женщина. – То ты все перемудрить норовишь.

У самой домны копошились несколько человек, разбивая глиняные комки, высвобождая из них темные шары неправильной круглой формы.

– Бог в помощь, – приветствовал он работников.

– Здрав будь, Никола, – оторвавшись от занятия своего, понуро отвечали те.

– Никак?

В ответ мужики хмуро кивнули в сторону невысокой пирамидки, выложенной из неказистых ядер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.